

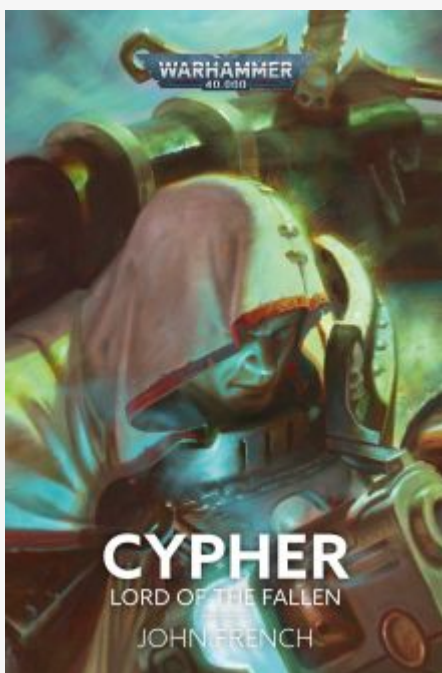
Сайфер: Владыка Падших / Cypher: Lord of the Fallen (роман)

Перевод в процессе: 14/20

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 14 частей из 20.

Сайфер: Владыка Падших / Cypher: Lord of the Fallen (роман)

Автор [Джон Френч / John French](#)

Переводчик [Йорик](#)

Издательство Black Library

Год издания 2023

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Экспортировать [PDF](#), [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

«Душа человеческая алчет простых истин. Света и тени, справедливости и греха, добродетели и вероломства. Такое разделение всего сущего даёт нам покой подобно безмятежному сну, но, просыпаясь, мы всегда понимаем, что он был неправдой.»

- Из размышлений Малкадора Сигиллита, засекреченных и вероятно являющихся лишь

апокрифами.

«Следующее утверждение истинно, а предыдущее – ложно»

- Древнейший парадокс^[1]

□

Содержание

Контекст^[2]

Глава первая

Вторая глава

Третья глава

Четвёртая глава

Пятая глава

Шестая глава

Седьмая глава

Восьмая глава

Девятая глава

Десятая глава

Одиннадцатая глава

Двенадцатая глава

Тринадцатая глава

Контекст^[2]

Ты здесь? И слушаешь? Значит, тут мы и начнём. Глубоко во мраке под землёй, среди холодных каменных цепей, где забывается сама память о свете солнца, слышны лишь два голоса. Прислушайся...

- Кто ты?

- Никто. Кто угодно.

- Нет. Ты определённо являешься... или был... воином из Легионес Астартес. Вероятно, ты... один из Первого Легиона, Тёмных Ангелов. Возможно... ты – предатель Империи.

- Да.

- И ты знаешь, кто я такой?

- Я знаю, *что* ты такое.

- Тогда ты понимаешь, что я здесь не для того, чтобы определить, преступник ты или угроза, ведь ты – и то, и другое. Я – надзиратель за твоей темницей, которую тебе никогда не покинуть. Это всё, что имеет значение.

- Так к чему этот допрос?
- Потому что я хочу узнать, зачем ты пришёл сюда.
- Меня привела судьба.
- А что же привело тех, кто пришёл с тобой, облачённых в такие же чёрные доспехи?
- Мстительность. Верность. Вина.
- А имя у тебя есть?
- К чему вопрос?
- Раскрытие имени - ключ к знанию.
- Сайфер.
- Но ведь это не имя, а слово, означающее код или человека, которого на самом деле не существует.
- Однако оно - единственная истина, которую я могу раскрыть... А как насчёт твоего имени? Готов ли ты открыть мне одно из них?
- Первое из имён моих - Хеккаррон^[3], кустодий-надзиратель из Охранников Теней.
- А ты не боишься произносить его вслух? Разве истина имён не даёт власть над называемым?
- В заточении ты никогда не сможешь ей воспользоваться.
- Как знать. Я не могу открыть тебе, кто я такой, кустодий, но готов рассказать кое-что другое.
- И что же?
- Я могу посвятить тебя в тайну...

Глава первая

Терра

В эту ночь небеса Терры пылают. Ложные боги обрушивают на Галактику свой гнев. Бури из несбывшихся грёз затягивают корабли в межзвёздную бездну. Угасает свет. Осыпаются башни. Пробуждаются ужасы и ступают по земле. Вопли, пламя, паника. С укреплений Терры бьют орудия. Великий Дворец содрогается до самого подножия, и повсюду смятение. Повсюду... Хаос.

В Имперском Дворце воины сражаются перед воротами, которые не смог сломить за десять тысяч лет ни один враг. Навстречу им из разрывов меж огня и теней выползают создания, которых мы называем «демонами». Под звуки бойни пляшет на выжженной земле смерть. Жители владений Императора сидят в тёмных коридорах и залах, съёжившись от страха, или бродят по руинам, плача. Никто не знает, что происходит, и чем всё закончится. Всё как в былые времена. Настал конец времён. И их начало.

Кто я? Ах, снова этот вопрос. Ты ведь знаешь меня, я - тот, кого называют Сайфером. И нет, я не

раскрою тебе другое имя. Это не моя история, пусть я и её голос.

И в начале представления я заточён в глубинах Старой Земли и не мог видеть, что происходит в верхнем мире. В Темницах Адептус Кустодес я жду, пока не откроется дверь в мою. Вселенная меняется, не останавливаясь. Всё, что было истиной в одно мгновение, в последующие становится ложью - я мёртв, а затем жив, я скован, а затем свободен, я - истина, а затем - ложь. Всего, что ты знаешь сейчас, однажды не станет. Всё, что было потеряно, однажды вернётся, надо лишь подождать... и пока Терра пылает, в замочной скважине начинает поворачиваться первый из ключей, отпирающих дверь в будущее.

Высокая орбита

Над Тронным Миром в пустоте застыл корабль. Тёмный дротик, выкованный из металла и зеленью уподобившийся сгинувшим омрачённым лесам. Имя ему - «Отпущенье грехов», и он пересёк просторы Галактики, оставив позади пепелище вокруг иного истерзанного войной мира, называемого Фенрисом. Корабль прибыл с предупреждением о возвращении древних врагов, о гибели и катастрофах. Лишь достигнув цели, посланники поняли, что бежали наперегонки с бедствием и не успели. Враг, о котором они несли весть, был уже не вдали, но повсюду, ухмылялся с ночного неба и танцевал в пламени, вцепившемся когтями в поверхность Терры.

И через иллюминатор башни, возвышавшейся на хребте корабля, за пылающим на ночной стороне планеты пламенем наблюдает воин. Имя его - Мордекай^[4], и он - эпистолярный, служащий в библиотеке капитула Тёмных Ангелов. Суть его - ведьмак, несущий смерть своим родичам, но как знать, в другой жизни он мог бы стать хорошим человеком. Едва ли это важно, но я в равной мере и жалею его, и уважаю.

- Что ты видишь, брат Мордекай?

При звуке приближающихся шагов библиотеки не оглядывается. Ещё до того, как раздаётся первый звук, он знает и вопрос, и того, кто его задаст. За ним останавливается облачённый в доспехи воин. Зовут его Нариил.

- Трагедию, - отвечает Мордекай, и кивком показывает на горизонт, разделяющий отражение в иллюминаторе на части. - Видишь огни прямо под полярным кругом, Нариил? Это горит комплекс Суун^[5], чьи башни вздымались ещё до Великой Ереси. В старейших из оставшихся хроник указано, что башни выстояли под обстрелом Магистра Войны, пока у их подножия умирали легионы. И когда всё закончилось, когда вновь пришёл мир, сам лорд Гиллиман попросил магистра-каменщицу Серену поднять их ещё выше. Они пережили самые мрачные времена, но теперь... пылают.

Нариил смотрит на искру на горизонте. Не чувствуя в душе ничего. После долгого мгновения он говорит.

- Возникли непредвиденные обстоятельства.

- Что произошло? - спрашивает его Мордекай.

Нариил сглатывает. Его звание - сержант. Он десятилетиями был воином. Он погружался всё глубже в круги тайн, за которыми Тёмные Ангелы прячут то, что считают правдой. Он лицом к лицу непоколебимо встречал ужасы и сомнения. Но в это мгновение он чувствует, что в горле пересохло. Можешь ли ты осуждать его? Я - нет.

- У нас появилась информация, брат, - наконец, заговорил Нариил. - С того самого момента, как нам приказали встать на стоянке в зоне орбитального контроля, мы проводили стандартное просеивание всех сообщений. Сейчас многие секции и отделы Адептус Терра даже не думают об информационной безопасности и шифровании. Мы улавливаем всё новые сообщения, в целом бессвязные и наполненные паникой, но чем дольше продолжается просеивание, тем лучше удаётся воссоздать картину.

- И что же она нам открыла?

- Вот что.

Нариил нажимает на кнопку на доспехах, и из встроенного в горжет рупора раздаётся голос. От помех голос звучит то резко, то невнятно, но достаточно чётко, чтобы каждое слово ударяло, будто молот.

- Это он! Сам... Гиллиман... примарх... Он... вернулся. Благословен будь... Бог-Импер... Гиллиман вернулся!

Тёмные Ангелы слушают, как последние слова уносит вихрь помех.

- Это правда? - спрашивает Мордекай.

- Это подтверждено значительной частью перехваченных приказов и сообщений. Как и результатами вторичного и третичного анализа. Всё так. Робаут Гиллиман снова жив.

- Во дни сии пробуждаются легенды...

И тогда Нариил, преданный Нариил, умолкает вновь. Он чувствует бремя второй части послания, тяжесть имени, которое погасит искру благоговения в глазах брата.

- Что такое, сержант? - замечает это Мордекай.

- Также мы уловили в потоке данных и информации вот что...

И Тёмный Ангел вновь нажимает на кнопки встроенной вокс-системы. Помехи проясняются. Звуки превращаются в недосказанные слова.

- Неиз... ые... тес... С... фер...

- Сервы-связисты и ремесленники-исчислители продолжают восстановление сообщения, - отвечает Нариил. Его лицо застыло, воля удерживает чувства, будто каменными стенами. Теперь это ощущает и Мордекай. Возможно, в глубине своей ведьмовской души он слышит отзвук того, что произнесут дальше. А сержант вновь включает запись. Опять раздаются помехи, а за ними - слова.

- Известные... Астартес...

Поднимающиеся из хаоса, будто призраки.

- Сайфер...

И вот и оно, слово, подобное проклятию, нашёптанному на ухо царя. Сила заключена не только в знании истин, но и в самих именах. А это имя, моё имя, наделено властью изменить само будущее Мордекай.

Запись умолкает, и опускается тяжёлый саван тишины.

- Речь здесь о членах свиты лорда Гиллимана, - наконец, обрывает молчание Нариил, - о группе

космодесантников неизвестного происхождения, что были с ним, когда примарх вернулся на Терру.

- И где они теперь?

- Всё указывает на то, что их передали кустодийской страже.

Долгое мгновение Мордекай молчит. Перед ним будто далёкие драгоценности сверкают пожары, охватившие лик Терры. Он будто чувствует, как по коже стекает кровь, а в груди стучат два сердца, словно барабаны. В этот миг, во время, похищенное раздумьями, он знает, что весы истории застыли и ждут груза его следующих слов.

- Они уведут его в Темницы.

- Что ещё за...

- Не только мы сковываем пленников во мраке из страха и стыда, Нариил. Темницы - острог, тюрьма под Имперским Дворцом. Все чудовища, которых не смогли убить кустодии, все угрозы, которые они желают изучить, всё это заточено там... во тьме, отбрасываемой светом Императора.

- Но откуда ты всё это знаешь?

- Тайны не умирают, брат мой.

Мордекай не врёт, но и не говорит всей правды. Так на его месте поступил бы и я сам. Он отворачивается от Нариила, опускает руки на ограждение перед закованной в железо панорамой Терры. Библиарий знает, что предстоит сделать дальше. Знает, пусть и в глубине души ему хочется, чтобы уготованный путь не был столь ясным. А затем отбрасывает сомнения прочь и уходит, отвернувшись от Терры.

- Казни всех слышавших это сервов, - отдаёт он приказ Нариилу. - Удали все записи. Начинай сканирование систем орбитальной обороны, нужна полная оценка с точки зрения тактики. Готовь наших братьев к войне.

Темницы

Хеккаррон идёт по лабиринту, и отзвуки шагов его разносятся по каменным коридорам. Он - один. Вокруг так тихо, что кажется, будто во всём мире не слышно ничего, кроме урчания доспехов и ударов сабатонов. Кустодиев сотворили на заре Империиума, в золотой век заблуждений, царивших до войны меж легионами.

Иногда знающие о кустодиях и космодесанниках видят в нас родичей. Это не так, если конечно не считать родство понятием растяжимым. Космодесантники - покалеченные создания, вскрытые люди, в нутро которых вживили частицы сущности полубога. Нас учат чувствовать себя частью группы, сражаться в группе и мыслить как группа. Кустодиев же не создают, а скорее творят. Представьте, что они - ткань, в которую бережно вшивают мистерии, когда растущие младенцы ещё не знают, что станут воителями, а мы - люди, в которых слишком впихивают куски мяса. Говорят, что некогда всех кустодиев набрали из отпрысков поверженных царей. Не знаю, правда ли это или нет. Но они и в самом деле больше похожи на принцев, чем на солдат. Они мыслят сами по себе, действуют сами по себе и сражаются сами по себе. Они в равной мере способны быть постигающими тайны мыслителями,

изучившими управление государством дипломатами и безжалостными убийцами. А здесь, в Темницах под Имперским Дворцом, они – тюремщики.

- Открыть вокс-канал с основными системами управления стражи, – отдаёт приказ Хеккаррон, и вокс-системы доспехов слышат его и подчиняются.

- Повинуюсь, – бубнит в ответ сервитор. – Принимаю разрешение и начинаю звуковое включение... Доступ разрешён. Да осенит тебя свет чести, страж.

- Краткий отчёт о структурной целостности Темниц.

- Повинуюсь... Обрабатываю приказ... Структурная целостность Темниц сто процентов на уровнях с первого по восемьдесят первый. Глаза машины видят всё.

Хеккаррон проходит мимо внешних дверей в камеры и каменные мешки. Одни видны только ему. Другие – оцетинились замками и гудят от сдерживающих полей. По ту сторону заточены существа, которых кустодии не могут или не должны уничтожать. Здесь сидит старик, способный одними лишь словами убить миллиарды. Там – тьма, клубящаяся, но лишённая очертаний, если её не увидеть. Тут – маленький чёрный куб^[6] без петель, без крышки, без всего, закрытый и запёртый вдали от любопытных глаз, чтобы его забыли. В Темницах заточены создания, вышедшие из бездны времён и темнейших уголков человеческой души. Одни заслужили имена на языке древних мифов: Пожиратель Богов^[7], Змей Конца^[8], Ниспровергатель Тронов^[9]. Другие никогда не обрели имена и никогда не должны обрести. Здесь есть и живые существа, и машины, и безмолвные и неподвижные предметы. Но никто из них не погружён в сон.

Откуда я это знаю? Невозможно стать тайной, не узнав пару-тройку секретов.

- Краткий отчёт по стабильности варпа и состоянию аппаратуры.

- Эфирные сенсоры указывают на масштабные возмущения в течениях варпа, источник находится вне комплекса. Нуль-генераторы и подаватели эфира включены. Целостность колдовских оберегов и эфирных печатей оценивается в девяносто восемь процентов.

- Закрывать канал вокс-управления.

Хеккаррон доходит до поворота в туннеле и останавливается. Он мысленно считает, совершенно точно учитывая каждую из отсечённых от будущего секунд. Понимаете, Темницы это вовсе не набор камер, а лабиринт, постоянно воссоздающий себя, наполненный тупиками и ликвидационными системами. Иногда Охранники Теней выпускают одного из меньших пленников для того, чтобы оценить работу системы. И никому из них не освободиться. Хеккаррон и его родичи хранят в своих разумах весь лабиринт. Они идут по нему в полной синхронности с каждым новым поворотом, изменением и сплетением. Если раньше у тебя и были сомнения, люди ли они, то теперь ты точно знаешь, что ответ – нет, не так ли?

Хеккаррон заканчивает отсчёт и шагает вперёд. А за его спиной преобразуется проход. Сплошная стена камня возникает на месте воздуха. Следующий шаг – по стене, ведь именно там пол благодаря встроенным гравитационным генераторам. Путь впереди подобен спирали. Ловушки и скрытые орудия стреляют в случайном направлении и перезаряжаются. А Хеккаррон продолжает идти, невредимый, не сдерживаемый, ещё один смертельный механизм из многих.

Сегодня в Темницах не так много стражей, как обычно. Большинство ответило на призыв к битве за стенами Дворца. Хеккаррон же остался, чтобы наблюдать за заточёнными. Он - один, и пусть его контроль над мыслями почти совершенен, кустодий невольно гадает, не случится ли чего. Ведь инциденты бывали и раньше, ни одна из тюрем не совершенна, и в эту ночь заключённые и пленники беспокойны. Хеккаррон чувствует это. Даже сквозь энергетические поля, пустотные замки, сквозь металл и камень чувствует их всех. Но заключённые молчат. И Хеккаррон продолжает идти, сжимая в руке копьё, и единственный его спутник - безмолвие.

Вторая глава

Имперский Дворец

Имперский Дворец... центр всего сущего, святая святых для тех, кто считает своего тирана богом. Заключённого в это название смысла достаточно, чтобы утянуть разум в грёзы о позолоченных башнях и лучезарных храмах. На Гаталаморе художники посвящают свои жизни без остатка написанию икон и образов для паломников. Творимый их глазами и руками Имперский Дворец сияет, озаряемый светом откровения. Беломраморные башни возвышаются над проспектами, по которым плачущие от счастья праведники шагают к позолоченному куполу в самом сердце Внутреннего Санктума. Они облачены в яркие одеяния. Развешены тяжёлые складки карминовых и лиловых мантий. Во главе своей паствы шагает жрец и с ликованием на лице что-то проповедует. Взгляду наблюдателя открыто лицо женщины, её широко раскрытые глаза, рука, указующая в золотую даль. Поднятое к небу дитя принимают херувимы, забирая его на службу у подножия самого Золотого Трона. Старик падает на колени, воздев руки, и из глаз его падают слёзы, яркие, будто алмазы. За толпой наблюдает Адептус Астартес, благородный ликом и бдительный взором, осенённый ореолом света. Орлы кружат в сапфировых небесах. Таковы образы, непрерывно создаваемые руками своих творцов.

И за них готовы заплатить все прибывающие на Гаталамор паломники, отдать даже за меньшие и простейшие цену, достойную еды на всю неделю, а за самые большие и роскошные - целые сокровищницы. Они часами не отводят взглядов от икон, представляя, что однажды им доведётся побывать среди чудес, запечатлённых в красках, драгоценных камнях и позолоте. Они не выпускают их из рук, даже испуская свой последний вздох. Они передают их своим детям с воодушевляющими словами. Пилигримы видят не просто изображения, но заключённые в них истории, все свои молитвы и надежды. И так происходит по всему Империи, даже среди жителей планет, никогда не глазевших на иконы, написанные гаталаморскими мастерами. Видишь ли, Дворец - мечта, мечта яркая и прекрасная, притягивающая взор людей, чьи жизни полны лишь мелочных горестей. Место, где всё становится таким, каким и должно быть, и где все невзгоды рассеиваются в сиянии чудес как туман.

Но реальность это не мечта. Дворец - струп, скрывший израненную поверхность Терры. От зон Средоточия Администрата до Викторис Абсолют раскинулось сплетение зданий, часто возведённых друг на друге. Со времён рассвета Империи прошло десять тысяч лет. И даже первые камни Дворца возвели не на голой земле. Ещё во времена Древней Ночи здесь возвышались башни и крепости, здания, сложенные из костей городов, построенных и павших так давно, что от них не осталось даже имени. К этим старым, старым корням прижили Дворец и щедро удобрили.

И со времени возведения Дворца прошли целые эпохи. Его обращали в развалины, восстанавливали и

вновь перестраивали. Его пределы расходились и откатывались обратно к центру, будто берега озера. И от каждой эпохи остались свои нагромождения мусора. Посадочные площадки нарастают на стенах исполинских портов, будто грибы на стволе дерева. Спустя тысячу лет они становятся опорами для жилых корпусов, предоставленных солярным культам, и сектанты вглядываются в тусклое сияние Солнца через телескопы, пока не ослепнут. Войны между административными органами обращают в пепел целые регионы. Возвышаются новые святые и герои, их статуи выставляют на всеобщее обозрение в Санктуме Импералис. Проходят века, и их имена поглощает забвение. Памятники превращаются в насесты для сверкающих птиц и вокс-антенн. И так происходит с течением истории вновь и вновь, а падальщики всё никак не могут обглодать дочиста труп.

Дворец столь же древен, сколь и огромен. В ночь, когда в него прибыл я, Имперский Дворец был равен своим размером величайшим из древних царств. В самых узких регионах он раскинулся на сотни километров. Конечно, если вообще возможно точно определить, где заканчиваются его пределы, и начинается жилой мегаполис и другие регионы. Да, с севера и юга Дворец ограждают горы, но даже они испещрены пещерами и туннелями. Северная Зона, где таятся Темницы, охватывает более четырёх тысяч квадратных километров, но даже эта цифра показывает лишь часть картины. Дворец - не двухмерная икона, а громада, тянущаяся ввысь и вглубь. Шпили впиваются в загрязнённые облака, а фундаменты покоятся на ярусах раздавленных зданий километровой глубины. В недрах Дворца скрыты подземные царства. Лабиринты, освещённые лишь растущими в них грибами, умолкшие улицы, по которым последний раз ступали тысячу лет назад, пещеры, затопленные мерцающей и отравленной химикатами водой, на дне которой скрыты глубинные города. Прошлое никуда не исчезает, даже если его сокрушает бремя настоящего.

В пределах Дворца живут миллиарды. Они - писцы, что набились в жилые массивы и выцарапывают слова, не понимая их, на пергаменте, который сгниёт так и не прочитанным. Они - кланы, сражающиеся за право зажечь свечи в одном святилище из многих. Они - картели забирающих грехи, что несут епитимьи за злодеяния других, пока их предводители блистают золотыми цепями. Высшие лорды отделов Администратума растрачивают десятилетия своей карьеры в политических баталиях ради одного-единственного изменения политики. Инквизиторы охотятся и в высшем свете, и в трущобах, ища и ересь, и влияние. А глубоко под ними обитают люди, что едят грибы, растущие на трупах, пьют ядовитую воду из стоков, и чьи напевы эхом отдаются над беспросветными прудами. Ни они, ни их предки не догадываются, что существует Солнце. И всё это - лишь немногие из называющих Дворец своим домом душ.

И повсюду: в зданиях, в плоти, в идеях отдаётся Сила, восседающая в самом центре. Император - самый могущественный из когда-либо существовавших псайкеров. Золотой Трон, на котором Он заключён, каждую минуту направляет псионическую силу тысяч. И изничтожает их. В буквальном смысле. От псайкеров остаётся лишь прах и призрачный крик, что вливается в какофонию, текущую через Трон в Самого Императора. Сила подпитывает силу, разжигая Имматиум по ту сторону завесы так ярко, что пламя погребального костра видно и на краю бытия.

Понимаешь? Имперский Дворец - не просто здание, не просто идея: это центр бушующего в варпе пекла. Пекла, что истекает энергией в материальный Дворец и разумы находящихся в нём людей. Двести лет назад на Тропе Десяти Тысяч Святых над толпой паломников явились образы ангелов. Восемь из десяти узревших их тут же сгорели заживо. А несколько дней назад умирающая женщина закрыла глаза навсегда, а затем подскочила, крича. Все вокруг отшатнулись от неё, ослепнув. Женщина же, совершенно живая, убежала прочь, крича, что звёзды - боги. И это не было чем-то из ряда вон выходящим. Здесь, во Дворце, чудеса и необъяснимые вещи привычны. Хронометры за мгновения

отсчитывают годы и рассыпаются ржавчиной. Вода в раскалённых кастрюлях замерзает. Во сне люди слышат шёпот мёртвых. Здесь встречается всё и вся, реальность, идеи, души. Как встретились и мы, ты и я.

Я могу продолжать рассказ и дальше, но не стану. И даже это я сказал лишь для контекста. Чтобы ты мог оценить, как широко раскинулся Дворец в пространстве, времени и человеческих умах. Он настолько громаден, что даже этого слова недостаточно. И все последующие события происходят в его пределах. Легко было бы представить, что они происходят в замкнутом пространстве, что кто-то да заметил бы, что смерть и муки, откровения и смятение не забудут. Забудут. Дворец - сам по себе отдельный мир. Он - Империиум, сгустившийся до самой сути, будто материя, от которой осталась лишь тьма в сердце чёрной дыры. Он слеп, невежественен и голоден. Он поглощает знания, понимание и людей. Сделай лишь шаг в Имперский Дворец, и тебя утянет во мрак сквозь разломы меж громадными зданиями. Под шелест пергамента и щелчки кнопок от жизни останется лишь прах. Никто здесь не является кем-то значимым, и забывают всех.

Ну... почти всех.

Северная Зона

На северные окраины Имперского Дворца падает снег. Каждая снежинка пронизана ядом, оставшимся после сорока тысяч лет загрязнения атмосферы. И каждая обращается в пар, нежно касаясь пустотных щитов, что скрывают громадный Дворец. Под энергетическими куполами тоже бушует пламя. Пожары и беспорядки охватили скопления старых башен и кварталы размером с города. Большинство из них оцеплены арбитрами и подразделениями Астра Милитарум, но ситуация становится не становится лучше, лишь всё хуже и хуже. Уже умерло так много людей, и ещё больше погибнет в грядущие часы. Гораздо больше.

Вспышки мелькают над защитными куполами, когда взрываются ракеты и самолёты. В них умирают пассажиры транспортных челноков, устаревших лихтёров и грузовозов. Надеявшиеся добраться до Дворца, хотя бы там оказаться в безопасности. Безрассудно, но такова природа людей, отчаяние может любого лишить здравомыслия. Эскадрильи перехватчиков делают своё дело. Немногих прорвавшихся сквозь их заслон встречает огонь защитных турелей. Кому-то даже удаётся пережить эту бурю, но пилоты, не представлявшие, что будут делать, если зайдут так далеко, лишь разбиваются среди горящих зданий. Вспыхивают новые пожары.

Когда Тёмные Ангелы сходят с небес, никто не замечает ещё четыре огонька в ночном небе. Два - штурмовые корабли, небольшие и тяжелокрылые. В их чреве отобранный для задания боевой заряд: шестнадцать Тёмных Ангелов, благословивших своё оружие и обновивших клятвы. Вместе с ними летят два чёрных реактивных истребителя. Все четыре самолёта проскользнули через кордон орбитальных систем защиты. В обычное время такое было бы невозможно, но сейчас стражи Тронного Мира отвлечены, а связь - нарушена. Но даже с этим преимуществом пилоты добрались так далеко, лишь выкладываясь на полную. Будто в танце проскользнули они через оружейную сеть, разбрасывая за собой ловушки для сенсоров, и проскользнули через слепые зоны сканирующих систем.

- Входим в сферу высадки. Заключительный разгон, - сообщает по воксу пилот ведущего штурмовика. Четыре самолёта в последний раз ускоряются. Длинные конусы синего пламени опаляют тьму, когда они начинают пикировать сквозь атмосферу навстречу выбранной зоне. - Задействовать протоколы затмения.

А затем они отключают двигатели. Выключают все системы управления, кроме базовых. Не летят, а падают, не самолёты – четыре металлических обломка, притянутых Матерью-Землёй. При вхождении в атмосферу пламя опалает их обшивку. Любой наблюдатель, будь то человек или машина, заметит лишь ещё четыре метеора, падающие с небес будто звёзды.

Сидящий в отсеке ведущего штурмовика Мордекай мысленно повторяет литании прощения.

- Мечом сим заслужу я отпущенье... - пусть слова и успокаивают разум, библиарий ловит себя на мысли, что не таким видел своё возвращение в мир, где переродился. - И через отпущенье смою пятно с чести...

- Входим в зону основной угрозы, - снова раздаётся в воксе голос пилота, притихший, будто заглушённый вместе с двигателями. - Вижу цель.

Мордекай смотрит на своих братьев, видя их не глазами, а сумрачным зрением шлема. Их пять. Все – ветераны и члены Внутреннего Круга, они – Крыло Смерти. Все посвящены в тайну породившего их легиона. На это задание воины надели не положенные им по званию терминаторские доспехи цвета кости, но тёмно-зелёную броню без геральдики и наград. Надевшие накидки из мешковины и склонившие головы над оружием Тёмные Ангелы больше похожи на кающихся грешников, чем на обречённых воинов. В глубине души Мордекай думает, что так и должно быть. А краем разума слышит их мысли. Воителям не ведом страх, но в душах каждого из них звучит нечто худшее. Стыд.

- Приближаюсь к цели, - докладывает ведущий пилот. - Время пришло.

Расстояние между будущим и настоящим сужается с каждым ударом сердца. Под ними уже виден Дворец и закрывающая его фаланга пустотных щитов, огромная и сияющая. На такой скорости они врежутся в них, словно макроснаряд. И от них останутся лишь вспышки, запятнавшие небо.

- Включайте двигатели! На полную!

Начинают работать ускорители и реактивные двигатели. Самолёты резко выходят из пикирования. Гравитация тянет Мордекаю с такой силой, что простой человек бы умер, и даже он теряет сознание. На долю секунды он – одновременно и не в мире сём, и не отделён от него.

Он парит... и тело, и разум пребывают в свободном падении...

Гул бесчисленных голосов исчезает в порыве ветра, бури, врывающейся в его разум.

И идущей снизу. Тянущейся, чтобы притянуть его, обнять. Изничтожить его.

Золотой Трон...

Разум столь сильный, что освещает Галактику...

Жизнь, поглощающая души живущих...

Мир возвращается. Тёмные Ангелы парят над поверхностью пустотных щитов Дворца. Экзотические технологии закрывают их плащом лжи от любого ауспика. Закрывающие Дворец пустотные щиты – сеть из пересекающихся энергетических куполов, и каждый почти полутора километровой ширины. Ничто быстрее брошенного камня не пройдёт сквозь них.

- Обнаружено место надреза, - раздаётся голос пилота одного из истребителей. - Направление ноль-девять-один. Всем единицам, меняйте и синхронизируйте курс.

Самолёты Тёмных Ангелов ускоряются. Они направляются к месту падения гибнущего грузового буксира. Судно – двести семьдесят метров горящего металла, поворотные двигатели надрываются, пытаюсь удержать его налету. Пока Тёмные Ангелы идут на сближение, выпущенная защитной батареей ракета вонзается в буксир. Из борта фонтаном бьёт пламя. Судно оседает на другой борт и падает, истекая обломками. А в тени летят Тёмные Ангелы. Фюзеляжи звенят от ударов раскалённого металла по крыльям. Буксир сталкивается с куполом пустотного щита. Ночь сотрясает надрывный раскат грома. Бьют молнии. Многоуровневый щит лопаётся, словно мыльный пузырь. Обломки градом сыплются на дворец. Снова рокочет гром, когда пустотные щиты включаются и опадают, не выдержав нагрузки.

- Всем построиться наконецником, полная скорость, пикируем.

Кружа, самолёты принимают плотное построение, а затем устремляются вслед за баркасом. Они летят так близко, что пилоты видят, как светятся приборные панели в других кабинах. Мимо проносятся клочья фюзеляжа. Об истребители разбиваются ударные волны от рассыпающихся щитов. Во мраке десантного отделения ведущего штурмового корабля Мордекай всё ещё слышит на грани восприятия гул далёких голосов.

А затем четыре самолёта оказываются под щитами. Они отслеживают падение обломков и меняют курс прямо перед тем, как буксир врежется в здание, и в ночное небо летит град из раскалённого металла.

- Замечена зона высадки. Отмечены приоритетные цели. Готовы стрелять по вашему приказу, брат-библиарий.

- Действуйте, - отвечает Мордекай.

Из-под крыльев истребителей вылетают ракеты. У каждой своя цель: оборонительные турели, сенсорные башни и антенны связи. Среди пылающих по всему Дворцу пожаров каждый взрыв – мимолётный миг разрушения. Но их достаточно, чтобы создать слепую зону в ауспиковой сети, узкую, но пилотам её хватит.

Четыре самолёта петляют между башен и статуй святых. Как выпады показывают мастерство мечника, так этот полёт – свидетельство опыта их пилотов. Их выучка несравненна. Возможно, с ними и может потягаться кто-то из Белых Шрамов или Гвардии Ворона, но не многие. Ускорение, планирующий спуск, поворот на кончиках крыльев мимо проносящихся мимо шпилей – балет полёта.

Но даже они не заметили ракетную пусковую установку, угнездившуюся у подножия барабанной башни. Автономный ауспик засекает один из истребителей и передаёт сигнал «пуск». Прежде, чем пилот хотя бы замечает угрозу, ракета отрывает половину крыла. Истребитель входит в штопор, ведущий в каньон между башнями и соборами.

- Говорит Нефилим^[10]-Альфа, - голос пилота спокоен, хладнокровен. - Получены критические повреждения. Повторяю, критические. Потеряно управление полётом.

Мордекай чувствует последовавшее молчание. Он протягивается разумом к горящему истребителю.

+ Ты знаешь, что должен сделать, брат. + - раздаётся его голос в мыслях пилота.

Тот – рыцарь Крыла Ворона и знает, что в этот момент ему не спастись и не выжить. На службе капитулу ему осталось лишь удостовериться, что от истребителя не останется даже обломков, способных выдать, кому те принадлежали. Честно говоря, он никогда не думал, что умрёт вот так. Возможно, ожидал смерть в небесах другой планеты в битве против множества врагов, но никак не смерть от собственной

руки над Тронным Миром Империи. И потому он молчит, слыша, как надрываются сигналы тревоги. Мордекай ощущает призрачное подобие того, что чувствует его брат. Холод, ледяную стужу.

- За Льва... - шепчет себе пилот, а затем запускает перегрузку топливной и оружейной систем. Падающий истребитель исчезает в белом пламени, так и не долетев до земли.

Мордекай хранит в своём разуме последние мысли пилота, пока те не рассыпаются, умолкая навеки.

Оставшиеся истребители ускоряются. Перед ними среди шпилей и башен возвышается бронзовый купол.

- Замечена точка пробоа, - голос пилота штурмового корабля так же спокоен и хладнокровен, как до смерти его брата по эскадрилье. - Запуск.

Выпущенный из трёх самолётов ракетный залп впивается в оболочку. Камень и металл ещё рушатся, а разряды плазмы и выстрелы лазерных пушек раздирают рану.

- Держитесь!

Штурмовые корабли влетают прямо в брешь, запуская маневровые ускорители. В мгновение ока они тормозят от максимальной скорости почти до полной остановки. От резкого замедления с корпусов срывает панели. От тепловой волны вздуваются перекладки. Оставшийся истребитель облетает купол по кругу, ища признаки того, что их обнаружили. Их нет.

Полёт трёх самолётов заканчивается во тьме под куполом. Когда рёв двигателей умолкает, остаётся слышимым лишь стук камней, падающих из пролома на потолке. Купол - часть заброшенного крыла Дворца. Когда-то он скрывал амфитеатр, но те времена прошли так давно, что поднятая пыль веков теперь висит в воздухе, будто туман.

- Ауспик не показывает никаких следов обнаружения, - докладывает ведущий пилот.

Тёмные Ангелы всё так же неподвижно сидят в десантном отсеке. Мордекай поднимает голову. Его разум летит через залы и коридоры, мимо запалённых статуй и через забытые двери. Он слышит полные смятения мысли немногочисленных солдат и прикасается к сознаниям фактотумов. Эта часть здания практически заброшена. Он закрывает потусторонние чувства.

Но боль всё так же сочится в сознание. Здесь, среди камней и металла Дворца, библиарий чувствует, как на его разум давит невысказанно могущественное присутствие. До боли знакомое, но гораздо, гораздо худшее, чем он помнил. Это - Имперский Дворец, средоточие власти Императора. А это значит, что Мордекай только что шагнул в тень величайшего псайкера из когда-либо существовавших. Во мраке среди звёзд способности библиариев Адептус Астартес внушают ужас. Здесь же, в этом мире, в этом месте, разум его суть пламя свечи, дрожащее от порывов ветра, поднятого пеклом.

- Ты в порядке, брат? - спрашивает его по личному каналу связи Нариил.

Золотой Трон...

Мордекай буквально выталкивает слова изо рта.

- Наш путь чист минимум на следующие шесть километров. Дворец... - он умолкает, заметив привкус железа во рту. - Дворец охвачен смятением. Оно не продлится долго. Пора выдвигаться.

- Как пожелаешь, брат, - отвечает сержант и переключается на вокс отделения. - Всем бойцам, выходим

и приступаем к заданию.

Люки открываются, и Тёмные Ангелы выскальзывают в тихий сумрак. Среди них Мордекай, сжимающий рукоять обнажённого меча. Едва они выходят, как люки закрываются, а установленные на корпусах орудия начинают отслеживать любое движение в темноте. Сознанием и тканью всех нервов Мордекай всё так же ощущает крик Золотого Трона и тяжесть присутствия Императора, сияющего в варпе, будто палящее солнце над пустыней.

Третья глава

Темницы

Я сижу, во мраке, но не в цепях. В них нет нужды. Не здесь. Я – один, безоружный и одетый лишь в простую белую рясу. Впрочем, даже будь я облачён в доспехи и с пистолетами в руках, немного бы изменилось. Даже с плазменной пушкой я сумел бы разве что отмечать время на каменных стенах. Впрочем, они всё равно забрали и броню, и всё оружие, считая нож и... да... меч они тоже забрали. Пусть и не обнажили клинок. Пока. Думаю, даже тут, среди безмолвия и бесконечной ночи, я бы почувствовал, если бы они освободили меч из ножен.

Камера – куб, достаточно широкий и высокий, чтобы я мог встать в полный рост и почти дотянуться пальцами до потолка. Камень – базальт. Часть старого каменного сердца священной Земли, вырубленная и высеченная в форме идеально гладкой коробки. Дверь так плотно прилегает к стенам, что не видно стыков. Её удерживают на месте замки, чей механизм работы простой человек не смог бы даже представить. Воздух сочится сквозь узкие как иглы щели в стенах и потолке.

По обе стороны от моего узилища в казематах сидят мои братья. Все они были возвращены в воителей Первого легиона, когда среди звёзд сражались Император и Его примархи. По меркам нормального измерения времени каждый был бы древним, как сам Империиум. И всех до одного считают предателями Тёмные Ангелы, унаследовавшие это имя. Изменниками и прислужниками тёмных богов. Есть и такие, а есть и кающиеся души. Если прислушаетесь, может быть и услышите кого...

- Я – Азхар! Названный Меченосцем! Рождённый в убитом Калибане! Вы меня слышите, предатели?

Азхар, бедный Азхар, бросает слова в воздух, вновь и вновь, переворачивая в своей душе угли гнева. В глубине сознания он всё ещё видит зелёные тени утраченной родины и чувствует дым горящего мира.

- Да найдём мы искупление...

В соседней камере на коленях стоит брат Корлаил, склонив голову.

- Да будут деяния наши достойны его. Да будем мы прощены.

Он никогда не перестанет говорить о покаянии, как не переставал уже веками. Корлаил знает, что его мольбы тщетны, ведь прощение не в природе вселенной, но он продолжает говорить.

- Солнце меркнет и не восходит...^[11]

В словах Бахариила, давно затерявшегося среди обещаний ложных богов и сил варпа, есть и правда, и бред.

- Темна будет земля, красен клинок, воззовут песни глада... Пляши в восторге смерти^[12]... Иди по искривляющему пути. Всё неизбежно. Солнце меркнет и не восходит...

Его никто не слышит. Никого из них никто не слышит, даже варповы боги Бахариила. Эти образы - призраки, призванные мной для тебя, мазки угля на пергаменте, очертания и тени. Я хочу, чтобы ты это знал, чтобы кто-нибудь знал нас.

Мы - Падшие, забытые и отвергнутые, позор нашего капитула, тайна, скрываемая от Империи. Нас одиннадцать, одиннадцать блудных сынов Льва и братьев Лютера, заточённых за это во Дворце Императора, сотворившего нас. Существуют и другие, рассеянные во времени и пространстве, но здесь и сейчас нас горстка.

Можете мне не верить, но это далеко не самые надёжные казематы в Темницах. Это лишь скамьи для предварительного заключения, а мы - новоприбывшие. Кустодии не знают, кто или что мы такие. Если они решат, что мы действительно опасны, то нас ждёт путь ещё глубже во мрак. Если же стражи сочтут, что мы не стоим усилий и заточения, ну что же... тогда нас ожидает совсем другая судьба. Но ни вечное заключение, ни казнь не уготованы никому из нас.

Почему?

Потому, что вселенная содрогнётся, и ключ в двери к будущему развернётся.

Северная Зона

Спустя пятнадцать минут после проникновения во Дворец Тёмные Ангелы атакуют Третий Ярусный Комплекс Первичной Координации Служб. Охраны там немного. За всем наблюдают двадцать стражников, набранных из подразделений, что размещены во Дворце. Среди них есть и ветераны бывших войн, и новобранцы из знатных семейств. Все - медлительны. Даже у ветеранов выглаженные кители и отполированная медь скрывают слой жирка. Охраняемый ими комплекс надзирает за целой армией слуг и порученцев, трудящихся среди северных окраин Дворца. Тех, чьи руки зажигают свечи, приносят и сообщения и воду. Людей, чьи жизни и важны, и нет. Сам комплекс полон шарканья ног, шёпота приказов и закостенелой рутины. В урнах скапливаются груды выписок. По пневматической почте с шелестом проносятся распоряжения и доклады. Над своими аналогиями^[13] сгорбились сотни писцов, а над ними по перекладинам проезжают гроздь пикт-линз. Всюду пыль, оставшаяся от миллиардов тонн пергамента. Работающие здесь люди знают, что служение - их священный долг, смысл всего их существования.

Тёмные Ангелы обрушиваются на них, будто гром среди ясного неба. Двери слетают с петель. Ещё поворачивающиеся к ним стражи умирают под рёв взрывов. Смотрители и старшие надзиратели прячутся в укрытие. Кто-то пытается бежать.

Затем через выбитые двери заходит Мордекай. Ему не по душе предстоящая обязанность, однако поэтому библиарий лишь стремится поскорее со всем закончить. Вокруг его головы с треском раскручивается призрачный свет. Бегущие слуги застывают, нервы и мускулы больше им не повинуются. Теперь слышна тишина, удары сердца и сдерживаемое дыхание. Мордекай идёт мимо скованных его волей людей, чувствуя, как под шлемом от напряжения вокруг глаз расходится лёд.

- Они послали сигнал тревоги, - докладывает Нариил, отвернувшись от треснувшего экрана когитатора. -

Если его кто-то услышал, у нас мало времени.

Мордекай не отвечает. Его сознание прыгает из разума в разум, впиваясь, ища. Быстро, не деликатно. Из глаз некоторых слуг уже сочится кровь.

- Этот, - кивает он, останавливаясь перед человеком в серо-сине-золотом облачении префекта-примуса.

На свой незамысловатый лад, префект - важное лицо. Об этом свидетельствуют татуировки вместо волос: лучащиеся солнца, серповидные луны, чернильные звёзды. У него есть семья, с которой он не видится, дочь, что унаследует его должность, когда примус состарится. Когда он покинул свою квартиру десять часов назад, то забыл взять из чаши у кровати молитвенные монеты^[14]. А теперь он смотрит, не в силах пошевелиться или хотя бы закрыть глаза, на опускающегося на колени перед ним великана. На синем как кобальт лице исполина пылают красные глаза.

- Прости меня, - говорит Мордекай, и прикладывает пальцы ко лбу человека. Само прикосновение мягкое, лишь керамика холодит кожу. А затем он вонзает свой разум в сознание префекта. Без церемоний. По воздуху расходятся разряды тока и запах горелого мяса. Самосознание и прошлое человека сгорают, Тёмный Ангел разрывает всё, не относящееся к нужной ему информации.

- Ауспик засёк движение в этом районе, - окликает его сержант. - Брат, пора идти.

Мордекай не двигается. Префект-примус ещё жив. Едва.

- Спасибо, - говорит ему библиарий и поднимается на ноги. Труп падает на пол, те немногие тайны, которые человек знал, сам того не понимая, теперь ведомы Мордекаю. - Ему было известно достаточно. Главные ворота в Темницы находятся к северу, где-то в четырёх километрах от нас. Вероятно, там чрезвычайно мощные системы безопасности, но их можно вывести из строя. Наиболее уязвимая для проникновения точка - проходящий вблизи от верхних уровней туннель для циркуляции воздуха. Мы сможем пробиться внутрь при помощи плавильных зарядов, когда вызовем сбой в энергосистеме.

- А остальные?

Нариилу нет нужды показывать рукой на всё ещё удерживаемых психическими оковами слуг. Мордекай знает, о чём спрашивает его брат, и что ответ может быть лишь один. Знает библиарий и то, что сержанту необходимо услышать слова, сказанные старшим по званию. Таково бремя бытия Тёмных Ангелов и того, что их заставляют делать хранимые ими тайны.

- Они нас видели, - говорит Мордекай, - И должны умереть.

Гремят раскаты выстрелов. Взлетают облака пыли и оседают на растекающиеся лужи крови. Один из Тёмных Ангелов замахивается и бросает в контейнеры с пергаментом испепеляющую гранату. Миг спустя к потолку устремляется ревущее пламя.

Мордекай покидает здание. В разуме его медленно тает образ молитвенных монет, навеки забытых в чаше.

Четвёртая глава

Темницы

Ведьма приходит в караульную палату нежданной и непрошеной гостьей. Она – высокая, темнокожая и пурпурноглазая. С плеч её спадает чёрный плащ, все пальцы украшены кольцами, и вокруг её тела непрерывно вращаются девять обсидиановых сфер. Всюду, куда бы она ни шла, пахнет благовониями и стужей. Имя её – Анция, и в мешочке на её поясе лежат костяшки мертвецов.

Немногие способны незамеченными подобраться к кустодию. Когда-то, давным-давно, воительницы из Безмолвного Сестринства были способны на такое, но их узы со стражами давно разорваны. И теперь этим могут похвастаться лишь авгуры из Ордо Псайкана Ауксилия Кустодес. Они – Прорицатели Рока, гадающие о будущем и предсказывающие последствия прошлого. Пока Кустодии оберегают Императора и Дворец, авгуры ищут угрозы и тому, и другому. Они отслеживают сны, всматриваются в грядущее и извлекают из сознаний истины. И они могущественны. Очень могущественны.

Видишь, даже здесь, среди стражей самого Трона, не скрыться от варпа. Возможно, однажды псайкеры и погубят человечество, но сейчас они – единственная надежда на спасение тех, кто боится их и презирает. Признаться, я понимаю, каково им. Похоже, что лицемерие – одна из немногих ценностей всех времён и народов.

- Надвигается угроза, - говорит стражу Анция без лишних слов, приветствий и титулов.

Взгляд Хеккаррона покидает страницы лежащего перед ним манускрипта. Старого, возможно даже более старого, чем сам Империиум. Лежащего на покрытом изморозью каркасе. Другие бесценные книги и реликвии забытого прошлого разложены вдоль стен. Понимаешь, кустодии на самом деле не стражи и не солдаты. Они – воины, дипломаты и убийцы, а также много чего прочего. Они – Когти Императора, вознесённые во всех смыслах, люди, чьи тела и разумы так отточены, что их больше нельзя назвать частью рода человеческого.

- Нерождённые воют, бросаясь на внешние стены, - говорит Хеккаррон, - а во Дворце горят пожары. Сами звёзды замараны кровью. Возвращаются легенды, но силы иссякают. Угрозы, уважаемый авгур, ныне растут как трава и падают с небес с дождём.

- Вижу, что ты тоже видишь сны об опустошении^[15], - поднимает она бровь, склонив голову набок.

- Мы не видим снов.

- Все видят, хранитель, пусть даже и наяву.

Хеккаррон смотрит на неё и пристально, и с сомнением, взглядом, будто пожимающим плечами.

- Расскажи мне о предвиденной угрозе, а затем объясни, почему пришла именно ко мне.

Анция наполовину отворачивается от него, смотрит на книгу, лежащую на каменном столе у стены. Хранитель сдерживает инстинктивное раздражение. Прорицатели – странные люди, чьи мысли плывут среди нерождённых будущих, в царстве, где сливаются отголоски человеческих чувств и логики. Поэтому подход авгуров к решению определённых ситуаций никак не назовёшь прямолинейным. Разве известие о первостепенной угрозе сейчас, когда все кустодии сражаются за стенами Дворца или вне его пределов не требовало бы срочных действий, мгновенной реакции? Но вместо простого изложения

фактов Анция протягивает руку, переворачивает страницу своими длинными изящными пальцами.

- Засекреченные воспоминания Гога Вандира. Копия сделана во время Искупительного крестового похода умирающим писцом на Терре, - Анция вздыхает, закрыв глаза, и водит пальцами по пергаменту. - И писец уже знал, что умирает, когда украшал рукопись рисунками. Я чувствую его страх в пергаменте, в чернилах...

Прорицательница поднимает руку и оглядывается по сторонам. Орбиты вращающихся вокруг неё сфер меняются, пока взгляд блуждает по комнате, мимо ниш с книгами и свитками, над древним сломанным оружием в шкафах и по кафедрам, рядом с которыми парят на дисках горящие свечи.

- Ты живёшь среди жутких сокровищ, хранитель Хеккаррон. Черепов, ухмыляющихся нам из прошлого.

- Так о чём ты пришла предупредить нас, Анция? - спокойно спрашивает её кустодий. Он - создание, в совершенстве овладевшее искусством терпения, подобное тигру, ждущему в тени у водоёма.

Ведьма закрывает глаза. Когда она выдыхает, изо рта выходит холодный белый пар.

- Я вижу точку преломления. Единственный выбор, хранитель, решение, которое определит то, в каком направлении потечёт река будущего. Здесь и сейчас в этом Дворце находится тот, кто станет погибелью всего, что мы поклялись защищать, - она медлит, вздрагивая, - или же предвестником надежды.

- Если это первостепенная угроза, угроза для самого Первейшего, то о ней следует доложить капитану-генералу.

Кто такой Первейший? О, так кустодии называют Императора, когда разговаривают с чужаками.

- Видение... недостаточно ясное. Мою трактовку оспаривают.

- Другие прорицатели думают, что ты ошибаешься?

- Я не ошибаюсь. Я вижу, как разделяются два будущих, но... существует возможность вмешательства через наблюдение^[16].

- Возможность, что увидев грядущее и действуя после видения, ты приведёшь в действие цепь событий того будущего, которое пытаешься предотвратить.

- Да, но с той же вероятностью к этому может привести и бездействие.

Хеккаррон задумчиво глядит на Анцию. Они не друзья. У его рода вообще нет друзей, лишь долг и навыки, позволяющие его исполнять. Но он с ней знаком. Именно её предвидение направило его во время срыва заговора, который мог повредить сам Золотой Трон, ещё до того, как кустодий стал одним из Хранителей Теней. Конечно, он не доверяет Анции, ведь доверие ему так же чуждо, как и дружба, но Хеккаррон уважает авгура.

- Тогда почему ты сообщила об этом мне, а не одному из Спутников?

Спутники - титул тех из кустодиев, кто напрямую ответственны за безопасность Императора и устранение непосредственных угроз.

- Потому что я полагаю, что это будущее связано с кем-то заточённым в этой темнице чудовищ.

- Каждое из которых могло бы стать первостепенной угрозой, если бы освободилось, но все они под

надёжным замком.

- Проблема заключается не в конкретной личности и её идее или особой цели, а в схождении, слиянии событий. Кричит сам варп, приливные потоки и психические штормовые волны разбиваются о берега, изливая в мир кошмары. С каждым мгновением возникают и рассеиваются новые будущие.

- Нерождённые уже явились. Возвышенный Князь Погибели воплотился на Луне^[17]. Буря пытается захлестнуть всех нас, но Темницы всё так же надёжно защищены.

- То, что буря уже грянула, не означает, что она прошла и худшее уже позади. В её... полных злобы течениях *они* всё ещё ждут... своего рождения...

Она умолкает и закрывает глаза, сдерживая прилив боли. В это мгновение Хеккаррон понимает, чего ей стоило прийти сюда: какова уже уплаченная и ждущая цена несогласия с собратьями, плата за взгляд в варп и прозрения. И он решает ей поверить. Да, Анция уклончива по природе, а он - прямолинеен, как клинок меча. Хранитель бы предпочёл, чтобы она говорила прямо, но он и так понимает смысл сказанных слов: один из находящихся под его надзором заключённых может стать угрозой Императору... и вырваться на свободу.

- Когда всё начнётся?

Анция вздрагивает, открыв глаза. Вокруг пахнет железом и стужей.

- Думаю, оно уже началось.

Храм Адептус Механикус, Северный Имперский Дворец

- *Все отделения на позиции, брат-библиарий*, - тихо докладывает по воксу Нариил. - *Ждём твоего приказа.*

- Принято, - отвечает Мордекай. Он поднимает голову и смотрит на место своей следующей измены. Храм Распределения Энергии и Связи Бета-Один-Альфа. Он висит внутри шахты, погружающейся в обветшалые древние глубины Дворца. На её стене будто вздулся зазубренный нарост из металла и скалобетона, увитый проводами, словно лозами. Он был построен техножрецами тысячи лет назад и должен был стать временным мостом между энергосистемой Дворца и этим крылом. И как и все временные творения, простоял веками. Его важность неочевидна, как это всегда и бывает с мельчайшими деталями огромной системы.

- Меч обнажён, - произносит по каналу связи ритуальные слова Мордекай. Кружащий в шахте ветер шелестит по его доспехам. Пусть за долгую службу капитулу и его тайнам библиарий и совершил много ужасных вещей, он никогда не думал, что пойдёт на такое. И потому буквально выталкивает из себя следующее слово. - *Исполняйте.*

Ракеты с воем вылетают из пусковых установок. Гремят взрывы, и рушится одна из стен. Обломки градом падают вниз. Тёмные Ангелы стреляют по бреши со всех сторон.

- *Сопротивление нарастает, брат*, - докладывает Нариил. - *Время пришло.*

Мордекай видит, как пять космодесантников бегут по галерее над рушащимся храмом. Уцелевшие после

взрывов сторожевые сервиторы пробуждаются. Стреляют из тяжёлых болтеров и выпускают конверсионные лучи по едва видимым целям. Выстрелы выбивают из стен осколки. Обращают в пыль и металл, и камень.

Мордекай, поперхнувшись от усилия, направляет свой разум, бросает к храму мысли и волю, словно гарпун. Он уже чувствует упрощённые мысли слуг-орудий – «поиск цели», «стрельба», «движение», «поиск цели». Мысленным взором он видит, как отделение Тёмных Ангелов добегают до края галереи над храмом и прыгает в бездну. Взгляды сервиторов останавливаются на них. Орудия поднимаются. Системы целеуказания заканчивают триангуляцию. Мордекай мысленно тянется к разумам сервиторов. Вот-вот пронесутся нервные импульсы, ведущие к выстрелу.

- *Брат!* - встревожено окликает его Нариил.

Мордекай сжимает свою волю в кулак.

Головы сервиторов взрываются. В предсмертных корчах они продолжают стрелять. Мордекай пронизывает своими мыслями их нервные системы и заставляет мускулы совершить рывок. Мёртвые сервиторы оборачиваются, не переставая вести огонь. Пули и разряды энергии разрывают и техножрецов и их ещё живых механических слуг.

Все пять Тёмных Ангелов падают на крышу храма, спрыгивают в пролом и начинают стрелять. Сквозь похожую на вспоротую рану брешь видны вспышки взрывов. А затем шум боя умолкает, внезапно, как крик, оборванный кинжалом.

- *Сопротивление подавлено,* - докладывает сержант, - *устанавливаю заряды.*

Бойцы атаковавшего храм отделения уже размещают мelta-заряды и взрывчатку на креплениях, удерживающих святилище машин на стене шахты. Включаются механизмы взведённых зарядов. Нариил осматривает расстрелянные механизмы и замечает, что панель связи ещё работает, и оторванная рука техадепта ещё сжимает рычаги.

- *Перед смертью они успели отправить сигнал тревоги.*

- Слишком поздно, и к тому же Терра горит, Нариил. Никто не услышит их предупреждения.

- *Как скажешь, брат,* - сухо отвечает сержант.

Мордекай наблюдает за тем, как Тёмные Ангелы заканчивают приготовления к подрыву. Вместе с храмом будут уничтожены и управляемые из него энергетические каналы, вырваны, будто вены из глотки. Значительная часть Дворца останется без электричества, прекратят работать жизненно важные системы, путь будет открыт.

Мордекай ждёт, пока братья покинут зону поражения, а в мыслях его призрачными голосами воют эфирные ветра. Он дрожит, чувствуя холод даже в доспехах. От психических усилий его потряхивает, как от лихорадки. Призрачные ветра бушуют во Дворце с силой, достойной бури, и рёв её столь громок, что заглушает даже вопли исчезающих в Золотом Троне душ. Он сглатывает, чувствуя, что в горле пересохло от слова, что сейчас прозвучит. Небольшого, но даже в сравнении с уже совершёнными действиями означающего шаг за грань пропасти. С этого момента пути назад уже не будет.

- Взрывайте, - отдаёт приказ брат-библиарий.

Пятая глава

Мелочи. Небольшие, незначительные детали, такие крошечные, что никто их не замечает. Слово, клятва, меч, проволока, заклёпка на двери, пуля в пистолете... бесчисленные миллиарды безделиц, слишком незначительных, чтобы их можно было заметить и пересчитать. Но даже пустяки могут привести к крушению. Мы живём среди последствий таких мелочей.

Не против, если я кое-что расскажу? История недолгая, не моя, но столь же важная.

Триста лет назад в рабочем улье на Марсе жил человек. Вместо имени он носил код УТ413. Он появился на свет в кузнечном комплексе Этернус. Он провёл всю свою жизнь, повторяя вновь и вновь одну и ту же задачу. Его существование было посвящено одному этапу из тысяч этапов создания устройства, распределяющего электрический заряд между входным контуром и двумя устройствами выхода. Согласно священному кредо машины его благословленная задача носила код 675-Д, а кодом создаваемой им благословленной комплектующей реле - Хи-Зета-Дельта-10.

Никто из занимающихся сваркой жил для запчастей не понимал, что именно они делают. Для илота УТ413 его труд состоял из составленных в схему движений: поднять, обрезать, запаять, проверить, помолиться. Действия повторялись вновь и вновь, будто удары его медленно отказывающего сердца. Илот повторял их все снова и снова, тысячи тысяч миллионов раз.

Со временем он начал стареть. Видеть хуже. Руки слабели. УТ413 был не слишком важным звеном, поэтому его пальцы не стали заменять на аугментуку. Он работал усерднее, чтобы уравновесить ослабление тела, и потому здоровье начало ухудшаться быстрее. Илот работал всё усерднее. Он знал, что если производительность опустится ниже установленной планки, то его отправят на утилизацию плоти, а нервную систему оценят для возможности создания сервитора. Впрочем, его не ждала такая судьба, поскольку однажды, пока из сварочной горелки сыпали искры, аритмический пульс его сердца усилился, прогремел как грохот барабанов последний неистовый каскад ударов, и оно остановилось. В полные муки последние мгновения жизни илота УТ413, его нервная система пыталась завершить задачу, которую человек исполнял всю жизнь.

Поднять.

Обрезать.

За... За... па... ять...

Ну...

Надзиратели унесли тело УТ413 со священной линии сборки. Заканчиваемая им деталь в последнее мгновение жизни деталь отправилась дальше по цепи. Она была безупречной, во всяком случае, казалась, и потому стала частью чего-то большего.

Темницы

Так мы и получили то, что имеем, когда река времени и судьбы принесла нас к ответу на вечный вопрос о том, что же сейчас произойдёт.

Темницы – одно из самых тщательно охраняемых и защищённых мест на Terre. Их замки почти невозможно взломать. Обеспечение охранных систем энергией подкреплено многоуровневыми дублирующими и запасными источниками. Когда по приказу Мордекай Тёмные Ангелы взорвали передатчики связи и энергетические трубопроводы в Храме Бета-Один-Альфа, подсистемы должны были перенаправить в Темницы энергию из других источников. Должны были заработать вспомогательные плазменные генераторы. Наблюдавшие за путями в тёмные камеры системы наблюдения должны были ослепнуть на миг, достаточный, чтобы Тёмные Ангелы успели приблизиться. Вот на что Мордекай рассчитывает. Вот чего ждёт. У потери одного из узлов не могло быть более масштабных последствий. Но мы не можем учесть то, чего не замечаем...

Верхние ярусы Темниц больше не обеспечиваются энергией. Начинают выть сирены. Наблюдающие за потоком электричества духи машин реагируют на его нарушение. Перенаправляется энергия. Погружённые в корневую породу под Темницами плазменные генераторы начинают работать на полную мощность. В системе происходит скачок энергии. Благословенный электрический импульс входит в реле, созданное триста лет назад человеком, умершим для завершения работы. И оставленный в миг его смерти изъян приносит свои плоды.

Сплавляется металл. Сгорают провода. Из кабелей вырываются разряды. Воспламеняется пластик. Скачок нарастает, становясь бушующим потоком. Пламя и молнии вырываются из силовых магистралей, процесс происходит быстрее, чем духи машин успевают переключить системы и отключить сбоящие детали. Дублирующие системы выходят из строя. От ограничителей тока остаётся расплавленный шлак. И вот так просто вся верхняя треть Темниц остаётся без электричества. Системы наблюдения, сдерживающие поля, свет, вентиляция... все механизмы отчаянно втягивают в себя последние разряды, задыхаясь.

Мгновение царит тишина, но это безмолвие означает не покой, а глубокий вдох перед воплем.

Понимаешь, это ведь не единственное из случившихся в ту ночь бедствий. Терру терзал варп-шторм, каких не видывали на протяжении тысячелетий. Прежде Темницы являлись островком на пути штормовой волны, многоярусные пси-нейтрализующие системы не впускали бурю в их стены. Но безмятежности пришёл конец.

Нулевые поля отключаются. Сдерживаемые ими потоки бушующего варпа хлынули внутрь. Прежде кое-как уравнивающие друг друга внутри тюремного комплекса неестественные энергии вырываются на свободу. Конечно, в Темницах есть свои обереги, самоподдерживающие нуль-генераторы, всевозможные меры противодействия таким инцидентам, но их недостаточно, не в эту ночь. Ведь грянула буря эпох.

Обереги раскалываются. По комплексу с воем растекается призрачное сияние. Лабиринт гравитационных генераторов и коридоров скрежещет, будто ключ, пытающийся повернуться в заклинившем замке.

В своей камере я чувствую, как начинает дрожать воздух. И открываю глаза. Я встаю. Будущее наступило.

Хеккаррон бежит, а вокруг него вопит свет. Под ногами кустодия содрогается проход в лабиринт Темниц. Направление притяжения меняется, и стена справа становится полом. Он вскакивает на неё без промедлений, даже не сбившись с шага. Впереди виднеется то, что осталось от двери. Она была

полуметровой ширины диском из хладного железа^[18] и адамантума, закреплённого на стенах метровыми болтами. Теперь за стены цепляются клочья изорванного металла, буквально размазанного по камню.

А за разодранной дверью на фоне пламени нависает тень. Копьё Хранителя вспыхивает, воя, будто молния. Клинок – сверкающая дуга, и вплоть до слоёв атомов в её металле запечатлены тайные имена, произнесённые, когда ковалось оружие. В древке есть встроенная пушка, заряжённая пулями из серебра.

Когда Хеккаррон бросается в пролом, притяжение меняется вновь, теперь пол – потолок. Тень оборачивается. У неё нет имени, которое может произнести человек. У неё нет очертаний, но создание похищает образ прямо из разума глядящего на него кустодия. Мрачная пустота обращается в кожу из расплавленного железа. На костяном лице открываются глаза из синего пламени. Механические руки разведены так широко, что когти царапают стены. Тварь тянется к Хеккаррону, и кустодий чувствует, что переменчивая гравитация исчезает. Существо нельзя назвать быстрым. На самом деле оно и вовсе не сдвинулось с места. Но теперь оно не там, где было, а его когти сомкнуты на шее хранителя.

Броня скрежещет, начиная поддаваться. Кустодий отталкивается от стены, ставшей полом, и вырывается из хватки. Окутанное молниями копьё сталкивается с пылающим железом. Свет и тьма меняются местами. Безымянная тень отшатывается, её облик кипит, обращаясь в красное облако.

Хеккаррон приземляется, ещё в прыжке делая выпад копьём, а тварь меняется вновь. Теперь она – громадное, клубящееся месиво из осколков камней и чёрного льда. Копьё вонзается в цель, но существо раскалывается, развеивается, будто дым под порывом ветра. А затем оно течёт к Хеккаррону, окутывает его, пронзая, рассекая. По чёрно-золотым доспехам скрежещут тысячи бритв.

При прикосновении твари кустодий чувствует обещание изничтожения и её жажду свободы. Боль неопишима, но он не издаёт ни звука. Мгновение он будто падает, падает сквозь воспоминания всей жизни до дня, когда он ещё не мог ходить, а единственными обращёнными к миру словами был крик напуганного младенца, унесённого из горящего дома. Мгновение и ощущение проходят. А потом кустодий пожимает плечами.

Мускулы и доспехи вздымаются в идеальном унисоне. Тварь разлетается облаком стеклянных осколков. Взмахами копья Хеккаррон рассекает её. Молнии терзают существо, пытающееся принять новое обличье. Кустодий, не переставая бить, срывает с пояса устройство. Небольшой икосаэдр из чёрной материи^[19]. Тварь знает, что это, знает, что произойдёт.

Взревев, существо в последний раз бросается на кустодия. Тот бросает чёрное устройство. Оно летит к цели по дуге, протягивается через измерения. Свет деформируется от сдвига. Расстояние растягивается так, что проход кажется бесконечным.

А затем всё сжимается обратно, существо складывается и исчезает в никуда.

Чёрный икосаэдр падает.

Вновь перешедший на бег Хеккаррон подхватывает устройство прежде, чем оно касается пола, и устремляется вглубь разбитого лабиринта Темниц.

Азхар выбрался наружу прежде, чем я нашёл его камеру. По коридору расходится пламя. Зелёное и

оранжевое, неестественное, скручивающееся, как водоросли в паводок.

- Ты знал, что это произойдёт, ведь так? – цедит Азхар сквозь зубы вместо приветствия.

- Ничего я не знаю, - отвечаю я. – Выпускай остальных. У нас не так много времени.

- Этого следовало ожидать, - ворчит он, не скрывая тлеющего в душе гнева.

Выбрался и Бахариил. Мы находим его стоящим посреди воронки, оставшейся от камеры. Синее пламя тлеет на искорёженном металле и наполовину расплавившемся камне. А он стоит, качаясь, выданная кустодиями мешковатая накидка развеивается, будто от порывов ветра. На открытых руках Бахариила танцуют голубые огоньки. Он поворачивается к нам, но глаза его – тёмные провалы, ничем не выдающие узнавания.

- Не солнце, но око, око, глядящее изнутри... - бормочет Бахариил.

- Брат, это мы, - окликаю его я и останавливаюсь, не подходя ближе. – Ты нас видишь, Бахариил?

- Ночь и день, чёрное солнце, пылающая луна...

- Он видит только своих треклятых боков, - ворчит Азхар. – Оставь его, сам сказал, что времени мало.

Но я всё так же стою.

- Бахариил, посмотри на нас, - говорю я, спокойно и не повышая голоса. – Мы – твои братья. Мы здесь. Вернись к нам.

Он моргает, и трясёт головой.

- Братья... В землях, где я родился, были зелёные леса, тёмные и глубокие, и звери. На них охотились достойные люди. Достойные люди, облачённые в металл... Высокие башни... И дождь... шёл дождь...

- Да, - согласно киваю я. – Он шёл.

- Дождь шёл над лесами, - и взгляд Бахариила становится чуть менее отстранённым и тёмным. Пламя всё так же пляшет по его рукам, но глаза больше не кажутся провалами в зияющую бездну. – Буря уже здесь, братья. Она терзает душу ночи. Пламя погребальных костров взвизгивает... И время быстро утекает.

- И как его лучше потратить, если не убеждая безумца идти с нами, - фыркает Азхар.

- Мы все братья, Азхар, - возражаю я, не отводя взгляда от Бахариила. – И должны об этом всегда помнить. Во вселенной есть мало что более важное.

- Если ты в это веришь, - сухо отвечает мне Меченосец, - то ты и в самом деле глупец.

- Следуй за мной, - говорю я, спокойно кивнув Бахариилу. – Нам надо выпустить остальных.

- И найти наши доспехи с оружием, - добавляет Азхар. – А то я чувствую себя так, будто стою голым посреди урагана.

Мы идем к следующему ряду камер. Из ниши выскакивает всё ещё действующий орудийный сервитор, чьи плечи и механические руки тяжело поднимаются под грузом орудий. Нацеленные на нас стволы окутаны молниями. Я не бегу, потому что знаю, что не умру здесь. Синее пламя разрывает сервитора

изнутри. Детонируют батареи и боеприпасы. Тело разлетается на части, клочья сгорают, не долетая до стен.

Сквозь пепел идёт Бахариил. Его руки обожжены, но, похоже, он не чувствует боли. Теперь синие огоньки пляшут и в его глазах.

- Я - око бури^[20], - изрекает Бахариил, - и сквозь меня она видит всё...

Возможно, вы гадаете, почему я называю его братом? Почему я считаю, что того, чью душу опалает тёмный свет Хаоса, стоит спасать. На то есть причины, круги причин внутри кругов, бесконечные доводы, но все они вращаются вокруг одной истины. И вот она: меня можно назвать как угодно, но не лицемером.

Мы идём дальше. Следующим мы освобождаем Корлаила. Бахариил пробивает дыру в двери взмахом руки, после которого в воздухе чувствуется стужа, а на коже - жар лихорадки. Корлаил склоняет передо мной голову, выходя из камеры. Я знаю, что мысленно он уже добавляет побег к списку грехов, за которые должен понести епитимью.

- Сколько из нас вышло?

- Почти все, - отвечаю я.

- Где доспехи и оружие?

- Они бы не стали хранить здесь снаряжение, - отвечаю я, - но если и отослали куда, то скорее всего оно ещё где-то рядом. Шестерни Терры вращаются неспешно.

- Но недолго нам гулять на свободе, если будем тут торчать, - сухо замечает Азхар. - Здесь ведь темница для чудовищ. И если выбрались мы, то освободились и некоторые из других... постояльцев. И кто знает, где путь наружу...

- Выпускай остальных из братьев, Азхар, - чуть качаю головой я.

Он открывает рот, желая поспорить, но затем оборачивается и идёт вдоль ряда камер. Меченосец проклинаят и меня, и цепь былых неудач, которая его сюда привела. Бедный Азхар. Душу, столь переполненную острыми осколками гнева, ждёт лишь трагедия. Я всегда желал ему иной судьбы, но не нам её выбирать.

- И что мы будем делать теперь, брат? - спрашивает Корлаил. - Опять бежать?

Бежать... бежать вечно, вечно быть преследуемыми.

- Нет, брат мой, - отвечаю ему я. - Ещё нет.

Всё ещё веришь тому, что я рассказываю? Во все эти совпадения? Серьёзно, после всего, что я только что сказал? Наверное, история уже кажется невозможной, а дальше будет больше. Впрочем, не я её писатель. Да, я - катализатор, причина всех этих событий. Но не я выбрал, что произойдёт, и неважно, как удобно все они сложились.

А ведь и в самом деле удобно, а? Я - беглец из надёжнейшей тюрьмы на Терре, свободный, но преследуемый сразу двумя охотниками, свободный во Дворце Императора Человечества, свободный

посреди горящего мира. Пандемониума. Столь много разрушений и пожаров, столь много допущений обратились пеплом в пламени, чей свет и жар ослепляет нас всех. Так легко упустить, что же на самом деле происходит.

Как столько событий могут накладываться друг на друга?

Обломок статуи падает с высокой крыши кафедрального собора. Идущий под ней паломник смотрит ввысь за миг до того, как камень ударяет его и убивает. Ровно двадцать лет спустя его сын стоит на том же самом месте, зажигая поминальную свечу в память об усопшем отце. Он слышит шум и смотрит вверх. Обломок той же статуи раскалывает и его череп.

Невозможно. Такого не бывает, или должна быть причина, направляющая рука, великий замысел, вмещающий в себя всё невероятное. Нам не по душе мысль, что мы - лишь пыль, поднятая ветром перемен. Даже если мы убедимся в возможности случайностей, то уж точно не поверим, что одно совпадение следует за другим. Успехи и неудачи должны быть уравновешены друг с другом, всё должно быть разумным. Однако ничто в этой вселенной не является разумным. Что же до того, есть ли великий замысел...

Ну, ты ведь не ждёшь, что я отвечу на этот вопрос, не так ли?

Шестая глава

Темницы

Выходов из Темниц ещё меньше, чем ты думаешь. Имперский Дворец огромен и обширен, испещрён проходами сквозь укрепления. Но его тёмные камеры - совсем другое дело. Хранители Теней - кустодии, знающие своё дело, и потому дверей в их владения немного, и все охраняются. Есть главные врата, ведущие из Дворца в глубины узилищ. Есть тайные тропы, уходящие в недра планетарной коры под Темницами. Есть и несколько иных дорог...

Проходом к одной из них является Шестерёночная Дверь. Темницы, как и весь Империум, не могут существовать без машин Адептус Механикус. И Шестерёночная Дверь - проход, которым пользуются техножрецы. Конечно, она является не дверью в буквальном смысле, а туннелем, петляющим вплоть до посольского анклава Механикус. От края до края - двадцать метров. По стенам, потолку и полу проложены магнитные рельсы.

Всё проходящее сквозь Дверь отслеживают целеуказатели, фильтры геноследов и определители личностей, встроенные в орудия-сервиторы. Здесь же нас ждёт и наше оружие. Кустодии передали его техножрецам, чтобы те тщательно всё изучили, а потом отправили в утиль. Нам повезло. Статические контейнеры не успели уехать дальше первого участка Шестеричной Двери.

С рёвом проносится синее пламя, и мы проходим сквозь внутренние врата. Брызжет расплавленный металл.

<Обнаружена угроза> - передаёт сообщение один из техножрецов. Его товарищи отвлекаются от выполнения задач. Разворачиваются орудийные сервиторы. Энергия накапливается в оружии. Им уже сообщили о сбое энергоснабжения тюрьмы. Они были в полной боевой готовности, но не могли ожидать нас.

Корлаил первым врывается в пролом. В руках он сжимает искорёженный металлический штырь длиной со смертного человека. Скверная замена мечу, но и её достаточно, чтобы убивать.

- За Льва! - кричит он, подбегая к первому техножрецу. Одним ударом он разрубает его от горжета до грудины. Хлещут жидкая кровь и густое масло. Техножрец испускает машинный предсмертный вопль.

Вслед за братом бежит Азхар. В одной руке его - примитивное подобие щита, в другой - вырванный поршень.

Орудия-сервиторы стреляют. Азхар закрывается щитом от пуль. Осколки рассекают его плечи. Кровь течёт из обнажившихся мускулов. Ему плевать. Он улыбается мертвецкой ухмылкой на лице, изборождённом старыми шрамами. Если бы жрецы успели зарядить энергетическое оружие, то испарили бы его щит, а усмешка убийцы стала бы оскалом обгоревшего черепа. Но Азхар - не просто ожесточённый, злой и заблудший воин, он ещё и очень, очень быстр.

Он обрушивается на боевого раба за миг до того, как тот успевает выстрелить из плазменных пушек. От удара сервитор откатывается на гусеницах. А затем на его лицо опускается самодельная булава. Из треснувших глаз разлетаются осколки кристалла, металлический череп вдавлен в остатки мозга. Азхар оборачивается, высматривая следующего врага.

В это мгновение он бы и умер.

Азхар стремителен, но он не видит киборга-убийцу, бегущего к нему по полу. Существо быстро, как распрямившаяся пружина, тонконогое, сжимающее в руках клинок и пистолет. Киборг наносит рубящий удар. Азхар успел бы лишь ощутить, как от гудения клинка содрогаются его глаза, а затем тот впился бы в кожу...

Но клинок так и не опустился.

Потому что я рядом. Я - тот, кто ворвался в брешь вслед за Корлаилом и Азхаром. У меня ещё нет оружия. Однако его и не надо.

Киборг видит меня. На миг даже его полумеханический разум чувствует подобие страха или изумления. В одну из рук встроен клинок, механизмы другой сжимают пистолет. Обхватив его разящую конечность, я делаю рывок на себя. Разрывая шестерёнки и сервосистемы. Говорят, что плоть слаба, иногда так и бывает, но наша - сильна, ведь её сотворил сам Император. Я рассекаю вторую руку киборга его же собственным поющим клинком. Существо отшатывается на тонких ногах.

Я подхватываю выпавший из культы пистолет. Игольчатый бластер. Оружие смертельно опасное, хотя и не слишком подходящее космодесантникам. Не важно.

Я выпускаю очередь в упор по телу киборга. Иглы почти разрывают его пополам. А затем я двигаюсь, стреляю, убиваю. Истекаю кровью. Уничтожаю. Я чувствую, как это нравится мрачной тени, что у меня вместо души. Остальные из моих братьев, Падшие воители без дома и отца, сражаются вместе со мной, делая то, ради чего нас сотворили. Мы уничтожаем сломанным оружием, руками и вживлённой в нас силой.

На это уходит немного времени. И когда всё заканчивается, Азхар оглядывается на меня. Бедняга. Как же ему недолго осталось. Увы...

- Слабак! - цедит от, давя ногой то, что осталось от мозга сервитора.

- Ищите оружие, братья, - говорю я. Остальные уже собрались вокруг металлических контейнеров, сложенных на магнитной вагонетке. Корлаил и ещё один Падший вскрывают их. Внутри и доспехи, и снаряжение. Я вижу, как Корлаил целует висящий на цепи ключ, хранимый им из долга и чести. Вокруг нас мерцают и гаснут красные сигнальные лампы. Тела, конечности и механизмы свалены в багровые груды. Кровь стекает по канаве в середине туннеля.

- Оно здесь, - говорит мне Корлаил. - Наше снаряжение. Всё.

- Всё? - уточняю я.

Корлаил, поняв, о чём я спрашиваю, оборачивается, чтобы проверить.

- Нет. Меч... его здесь нет, милорд.

Меч... Тот самый, который я носил со времён раскола нашего легиона. Меч, покоящийся на моей спине в ножнах. Бремя, которое я не могу снять. До самого конца.

- Меч исчез? - смеётся Азхар. - Ты так долго тащил его, всю дорогу, а теперь - потерял. Больше нет причины, по которой хоть кто-то из нас следовал за тобой, и мы на свободе в самом сердце Империи, - он почти трясётся от смеха.

Корлаил выхватывает палаш из ящика так быстро, что я не вижу движения. Как и Азхар. Клинок уже обнажён и искрит в руках кающегося брата. Меченосец не двигается с места. Но на его лице больше нет веселья. Видишь ли, Азхар быстр и готов убивать, но Корлаил уже был смертельно опасен во время раскола Калибана, а за все прошедшие тысячелетия лишь ещё больше отточил свои навыки. Иногда я гадаю, а смог ли бы я справиться с ним, если бы до этого дошло.

- Давай, Азхар, посмейся ещё, и я рассеку тебе лицо, оставлю шрам позорным клеймом до самой смерти.

- Рассечёшь, а, Корлаил? А почему просто не убьёшь, завершив круг?

- Я не хочу нести епитимью за твою смерть, Азхар, но понесу, если ты не оставишь мне выбора.

- Как скажешь, - горько усмехается тот. - Нет, брат, я не хочу обременять тебя ещё больше. Но куда по твоему он нас теперь поведёт? - говорит Азхар, показывая на меня. - Навстречу новой вечности прозябания во тьме? Эонам скитаний по Оку, где все мы станем заблудшими, как Бахариил?

- Есть лишь одна истина, - изрекает тот, услышав своё имя. - Истина вечности, истина изничтожения.

- Если ты, Корлаил, веришь, что нам следует вновь идти по этому пути, то и в самом деле заслуживаешь мук стыда, - Азхар больше не смеётся. На самом деле, он и раньше не веселился. В душе его нет места ничему, кроме боли и гнева на Льва, на Империи, на меня... - Мы - преданные, и теперь мы здесь, в мире, взрастившем нас, в самом сердце Дворца Императора, предавшего легион. Лучшей возможности отомстить у нас не будет.

- Я не разорву свои клятвы во второй раз, Азхар. Я последую за носителем меча, а не за тобой к новым грехам.

- Сломанные мечи, старые клятвы, новые заблуждения, - ворчит Азхар. - Зачем мы здесь, если не ради возмездия? Смерть, муки и плач тех, кто отверг нас - достойная расплата. Какая разница, у нас ли старый меч. Коралил, ты - глупец, особенно потому, что веришь, что он приведёт тебя к искуплению, - Меченосец снова показывает на меня пальцем.

- Я пойду туда, куда меня поведёт милорд, - отвечает Корлаил.

- Он никому не господин! - рычит Азхар.

- Довольно.

Все умолкают, услышав мой голос. Все десять последовавших за мной на Терру братьев поворачиваются ко мне. Бахариил, чья кожа истекает потом после колдовства. Очистительный Свет, не произнёсший ни слова с тех пор, как сторел Калибан. Афкаль, давно забывший и сияние надежды, и утешение ненависти. И остальные. Все смотрят на меня. Все ждут, что же произойдёт, размышляя, идти за мной или нет. Возможно, кто-то даже надеется, что Азхар рискнёт и попытается убить меня, забыв о мече Корлаила. Удивляешься тому, что им не хватает верности? Не стоит.

Мы - разделённый легион. Я не имею в виду, что мы разделены так же, как юнцы, преследующие нас из стыда. Я имею в виду, что среди нас нет и подобия единства. Наши не простившие и не прощённые братья зовут всех нас Падшими, будто мы едины мыслями и целью. Но мы, Падшие, так же разобщены, как расколоты наши мечи и разорваны клятвы. Среди этих десяти есть те, кто веками преследовал меня. Есть и те, кто большего всего на свете хотел бы пасть на колени перед Императором и услышать, что они прощены. Есть те, кто верит в богов, а другие убеждены, что в конце нас ждёт лишь пустота. Разобщённые, ожесточённые, осуждающие друг друга и себя, все они стоят, наблюдают и ждут.

Тишину изгоняет Бахариил. Закрыв глаза и склонив голову на бок. Видно, как под его пергаментной кожей чернеют вены.

- Две стороны луны, одна кровавая и тёмная, другая - сверкающая и серебряная...

- Берите оружие и облачайтесь в доспехи, - приказываю я. - Все.

После мгновения сомнений они повинуются. Спешно, надевая пластины брони без всяких обрядов, с которыми рыцарям подобает готовиться к войне. Такова плата за недостаток времени.

- И куда мы отправляемся, господин? - спрашивает Корлаил.

- За мечом, - отвечаю я.

- А потом? - цедит Азхар.

Я лишь пожимаю плечами.

- А потом мы отправимся туда, где нужен этот меч.

Запретная зона Астрина

Мордекай не успевает добраться до Темниц. Вместе со своими братьями он пробирается через запретную зону Астрина, когда на них наталкивается орудийный катер.

Они крадутся по простору между громадой Министерiums Всеведущего и полуразрушенным Архивом Эпох. Эта часть Дворца была объявлена мёртвой зоной семьдесят лет назад. Сейчас в ней живут лишь банды оборванцев, переживших войну Департаменту, что привела к смерти префекта Архива и почти полумиллиона душ. Да. Такое случается даже здесь, меньше чем в двух сотнях километров от Внутреннего Санктума. Вопрос скорее в том, почему нахождение в ней до сих пор является смертным

приговором. В выданном патрулирующим зону арбитрам судебном указе не упомянута настоящая причина. Их может быть много. То, что возглавляющий одну из сторон на войне префект был убит по меньшей мере пять раз и не умер, то, что люди на обеих сторонах войны пробуждались ото сна о великом и пустом городе, и рассказывали, что они видели одиноко сидящий на троне среди опустошения труп, то, что под восточной окраиной Астрины находятся Темницы, и при всех их оберегах я - не первый, кому удалось сбежать. Всё это может быть причиной, по которой нахождение на этих улицах приводит к смерти. На самом деле и не важно, с чего всё началось. Причину никто не знает, и никому нет дела. Так написано, и потому так и будет.

Небо патрулируют отделения арбитров-палачей. Они стреляют на поражение, однако сейчас большая часть сил перенаправлена на подавление бунтов и беспорядков в других зонах. Мордекаю повезло, что из трёх отрядов один облетел здание, когда из него выходили он и его братья.

Белый свет прожектора сияет на доспехе Нариила. Он отскакивает за мгновение того, как раскручиваются стволы пулемёта и начинается огненная буря. Пули впиваются в плитки. Нариил поднимается на корточки, вскинув болтер. Стреляет. Болты стучат по орудийному катеру, взрываются на броне. Машина содрогается.

Но этого зверя не так-то просто сразить. Кости его прикрыты прочной бронёй. Пластальные пластины защищают кабину. Пушки питаются из широких ёмкостей в чреве. Ракетные пусковые установки возвышаются над хребтом и усеивают брюхо. В машине лишь один стрелок и пилот. На зазубренной чёрной шкуре алеет сжатый кулак Адептус Арбитрес. У орудийного катера лишь одна задача - нести смерть. Едва первый болт-снаряд бьёт по носу, бортстрелок расценивает ситуацию как соответствующую прецеденту экстремис. Он запускает нижние ракетные пусковые установки. Это неизбирательные орудия, разработанные рассеивать боезапас, будто семена. Ракеты градом летят к цели. Среди них есть и осколочные, и воспламеняющие. Жар и буря осколков окутывают Нариила, скрывают землю из вида.

Пилот разворачивает катер. Стрелок ищет цели, используя ауспик и прибор тёмного видения. Они понятия не имеют, во что именно стреляли. Но хотят удостовериться, что убили всех, кто мог находиться на поверхности. Даже не догадываясь, что сами сейчас умрут.

Мордекай и другие Астартес находятся в укрытии. Стрелок их не заметил. Сенсоры настроены на движение и тепло. Они не могут засечь холодную броню Тёмных Ангелов. Мордекай приказал своими братьям не двигаться, едва были выпущены первые пули. Мысленно он проклинает себя за то, что не заметил машину. Теперь им придётся устранить пилотов, удостоверившись, что они не смогли опознать космодесантников и передать информацию.

- Ждите, - шепчет бибиларий по воксу.

И они ждут, пока жидкое пламя растекается по плитам, а шрапнель звенит по их доспехам. Не двигается даже Нариил, наблюдая из клубов пламени, как над ним летит катер. Для такого оружия он неуязвим. А Мордекай собирается с мыслями, ждёт ещё один удар сердца, а затем бросает вперёд таран из воли.

На орудийном катере установлены нуль-матрицы. Слишком многие из ещё обитающих в зоне людей являются псайкерами, и арбитры готовы к встрече с ними. Но беглые псайкеры не ровня библиариям. Разум Мордекай пробивает береги. Перегруженные матрицы плавятся. Тёмный Ангел чувствует, как от усилий вокруг его глаз лопаются кровяные сосуды. А затем его воля обрушивается на сознания арбитров, сминая поверхностные мысли всмятку. Он чувствует, что они ещё не успели доложить об инциденте. Разумом своим заставляет умолкнуть их голоса, а руки сковывает параличом. Поспешная,

топорная работа, но её хватит.

- Огонь, - приказывает он по воксу.

Болты вновь бьют по орудийному катеру. Они не пробивают броню, но без вмешательства пилота их достаточно, чтобы подбросить машину. Катер кренится. В один миг микродвигатели удерживают машину в воздухе, а в следующий - переворачивают. Неуправляемый полёт обрушивает катер на ещё горящую землю. Продолжающие работать ускорители тащат скрежещущий корпус по треснувшим плитам. А затем машина сталкивается со стеной. Микродвигатели всё ещё надрывно воют, сотрясая катер, когда к нему подбегают Тёмные Ангелы. Они не рискуют выживанием свидетелей. Мордекай срывает с корпуса пластины брони. Смятый во время столкновения стрелок уже мёртв. Ноги пилота сломаны, но в его руке сжат пистолет. Мордекай отталкивает его в сторону прежде, чем арбитр успеет спустить курок, и впечатывает кулак в голову смертного. Пилот обмякает. Сквозь шлем из треснувшего черепа течёт кровь. Мордекай бьёт ещё раз, по темени арбитра, раскалывая его позвоночник. Теперь смертный точно мёртв.

- Досадно, - говорит ему подходящий Нариил. От его покаянной рясы остались лишь обгоревшие клочья. Мордекай качает головой, размышляя, какая из его оплошностей позволила этому произойти. Они впустую потратили время, их могли обнаружить. Что ещё хуже, библиария гложет подозрение, что даже если они и смогут добраться до Темниц, то проникнуть в них - нет. Инцидент напоминает ему об уроке, который он усвоил задолго до того, как стал Тёмным Ангелом. Имперский Дворец не терпит слабостей, какими бы они ни были незначительными. Они - Крыло Смерти, они - Тёмные Ангелы... Но перед ними Терра, о которую в прошлом разбивали зубы и магистры войны, и деспоты. Мордекай задумывается, не совершили ли они немислимую глупость, отправившись на эту охоту. Ему бы стоило прислушаться к этим сомнениям... однако судьба-злодейка с особым удовольствием помогает глупцам совершить ещё один шаг к концу пути.

Вокс-система в кабине катера ещё работает. И когда Мордекай уже собирается уйти от обломков, из неё раздаётся треск и шипение. Он замирает, оглядывается, а потом подзывает воина по имени Эгион^[21], брата-специалиста по сигнумам. Эгион вставляет в вокс-систему провод и подключает к боку шлема другой конец. Он отделяет сигнал от помех, и на линзах шлема мерцают отображаемые данные. Остальные Тёмные Ангелы ждут, не сводя глаз с раскинувшегося вокруг огненного кольца опустошения. Времени у них немного. Арбитры заметят, что один из их катеров сбит. Спустя считанные минуты здесь будут и другие. Опасность не в том, что братья Мордекай могут проиграть бой. Нет, они опасаются, что кто-то поймёт, что во Дворец пробрались космодесантники, которых тут быть не должно. А когда поймут, они станут не охотниками, а добычей. После этого вероятность раскрытия их личностей будет только нарастать, а возможность успешного завершения охоты - убывать. Поэтому им нужно уходить от места крушения, не медлить.

Мордекай наблюдает за небом. На востоке виднеются вспышки выстрелов, омрачающие небосвод. Он гадает, не стоял ли на этом самом месте кто-то подобный ему на заре Империиума, глядя на такое же пламя битвы.

- Это сигнал тревоги, - сообщает ему Эгион, отключая провод, и отворачивается от вокса. - Закодированный на вокс-сеть кустодиев и арбитров этого участка Дворца. Произошёл побег из Темниц. Кто сбежал не указано.

- Сайфер, - шепчет Мордекай.

- Возможно, возможно и нет, - возражает Нариил.

Мордекай ничем не объясняет свою убежденность. Потому, что не может. В это мгновение он уверен во всём. Без явной причины, но совершенно. Будто вой умирающего ветра прошептал ему истину, и унёсся прочь, смеясь.

- Это он.

- И как мы его найдём? - спрашивает сержант. - Теперь Владыка Падших скроется, а мы не можем искать его по всей Терре, нас раскроют.

- Он не сможет выбраться из Дворца на севере, - отвечает Мордекай. - Индомиторские укрепления^[22] всегда были лучшими, и сейчас там идёт битва.

- Он и прежде скрывался под плащом войны.

- Но сейчас не рискнёт, и это слишком очевидно. Нет, сперва он попытается попасть в другую секцию Дворца.

- Тогда он пойдёт на значительный риск.

- Такова его природа, но опасности также таят и возможности. Он сможет выбраться из Дворца в любом направлении или уйти на дно и скрыться.

- Что едва ли сулит для нас лучший итог, чем путь через северную стену.

Мордекай молчит. Он роется в воспоминаниях человека, которым когда-то был, позабытом опыте, на который никогда не думал положиться вновь.

- Если он пойдёт на юг, то ему придётся пересечь Келдронов Разлом, и через него проходит немного путей, по которым можно проскользнуть незамеченным.

Нариил не отвечает. Он не знает, о чём говорит Мордекай, но доверяет библиарию. Настолько, насколько один из Тёмных Ангелов вообще может доверять другому.

Мордекай направляется прочь от разбившегося катера, сперва шагая, а затем переходит на бег. Братья следуют за ним. Он прозорлив, и в этом случае инстинкты и доводы разума подсказали верный вывод. Конечно, я ещё этого не знаю, я даже не знаю, что он на Терре. Но скоро узнаю, ведь мы направляемся навстречу первой из двух наших встреч.

Седьмая глава

Темницы

Среди тёмных камер утихают последние порывы бури. Львиная доля вырвавшихся из оков пленников либо уже схвачена, либо пала от рук Хеккаррона и прочих Хранителей Теней. Но не всех чудовища, способных однажды принести конец света, удалось сковать вновь. После царившей разрухи некоторые камеры так и остались пустыми. Сломавшие цепи твари бежали из узилищ. И среди беглецов были те, кто прибыл в Темницы последними и пробыл в них меньше всех прочих. Одиннадцать воинов в старых

чёрных доспехах, мои братья и я. И наше исчезновение тяготит Хеккаррона сильнее, чем любая другая часть грянувшего в эту ночь града бедствий.

- Что ты видишь? - спрашивает он прорицательницу, стоящую рядом с ним в моей бывшей камере.

- Слишком много, - отвечает она. - Мне нужно... Хеккаррон, всё это место просто кишит отголосками. Ох... и они так сильны... Я...

Она умолкает, закрыв глаза трясущимися веками. Хеккаррон ждёт, глядя на кружащие вокруг Анции обсидиановые сферы. В его сознании точно так же кружат мысли и тревоги. Он внял предупреждению, и теперь его подозрения постепенно сменяются убеждённой верой в то, что она права, и что мельком увиденный ей проводник грядущей гибели это я.

Мой побег уязвил бы его гордость... если бы кустодий вообще задумывался о таких чувствах. Но они не важны. Не для него. Стража тревожит лишь то, что из-под его надзора ускользнула возможная угроза всему, что он поклялся беречь. Возможно, ты ожидал, что Хеккаррон будет бегать по Дворцу, преследуя меня, будто пёс, взявший запах. Но он - совсем не такой обыденный противник. Он безжалостен, неумолим и столь же осторожен, сколь и стремителен. Он знает, что лучше всего в охоте помогает знание, куда направляется добыча. И поэтому он и привёл в мою камеру Анцию, Прорицательницу Рока.

Она открывает глаза. Вздрагивает.

- Что ты можешь мне рассказать? - спрашивает её кустодий.

Анция опускается на колени, чтобы приложить к полу ладони. Её способности - плод и врождённого таланта, и отточенного мастерства. Как и следует ожидать при слове "прорицатель", в основном они связаны с вглядыванием в варповы отголоски грядущих событий. Конечно, на такие возможности претендуют целые легионы пророков и ворожей. И некоторые даже не зря. Однако Прорицатели Рока - не обычное колдуны, гадающие на удачу. Благодаря целеустремлённости и концентрации они на голову выше тех, кто обладает поверхностным провидением. Авгуры и не пытаются объять взглядом все будущие события, их взор направлен лишь на те, что связаны с одной-единственной живой душой... духом Императора Человечества. Каждый из них является псайкером ранга примарис. Они способны расщеплять материю, прозревать прошлое после одного лишь прикосновения к предмету и вырывать мысли из слабых разумов. И то, что всё это для них несущественно, само по себе является свидетельством их могущества.

В этой части комплекса действуют и обереги, и нуль-генераторы, но сейчас, в этой камере, они отключены. Варп вновь впустили. Кружащие вокруг ведьмы сферы покрываются изморозью. Её лицо дёргается. Всё тело бьёт дрожь. Из глаз начинает сочиться призрачный тусклый свет.

- Он сидел здесь. Он... он ждал. Я вижу... вижу...

- Что ты видишь?

- Лучше я покажу.

Анция поднимает ладони, вытягивает из пола видения. Они застывают в воздухе, прозрачные, дрожащие. Среди них и я, призрачный отголосок того, каким я был несколько часов назад, сидящий, скрестив ноги и закрыв глаза. Позади меня виднеются другие очертания, возможно являющиеся просто моими тенями, а возможно и нет, а за ними - размытые образы: фигура со сломанным мечом в руке, король на троне, рыцарь, спящий на каменном ложе. Они развёртываются бесконечным парадом. Все

они затуманены, так, будто показывают нечто, происходящее совсем не в Темницах, но в неведомых дальях, в неизведанные времена. На глазах Хеккаррона они меняются, то исчезают, то появляются.

- Что это такое? Это ведь не видения того, что здесь происходило. Это его мысли?

- Нет. Это неисполнившиеся судьбы. Я никогда ещё не видела ничего подобного. Его будущее словно одновременно предначертано и постоянно переписывается. Некоторые из этих событий ждут в его будущем, но с каждым мгновением меняется то, какое из них вероятнее всего станет настоящим.

- Разве таковы не все будущие? Любой выбор открывает дверь к одному из путей и закрывает другое. Таково было прозрение квантовых мудрецов в далёком прошлом^[23].

- Да, но дело не просто в разветвляющихся последствиях. Приглядишься.

И Хеккаррон вглядывается в видения, и своим взглядом и умом, таким отточенным и острым, видит то, что упустил прежде.

- Это цельные и различные грядущие, оставшиеся, будто ещё не решено, что именно произойдёт, словно ветви будущего не рассыпались, а остались. Он не идёт к цели, а следует по нескольким путям одновременно. Он несёт будущее с собой.

- Пока что, - кивает Анция. - В какой-то момент они рассеются, и останется лишь одно, истинное.

Она вздрагивает, и призрачные образы мерцают, угасая. Прорицательница поднимает побелевшие от изморози руки. На лице от усилий и концентрации остались глубокие морщины, но она не вешает нос, а встаёт. Лёд на полу и стенах начинает исчезать.

- Увиденная мной угроза связана с этим местом, она начинается здесь...

- Все ли будущие таят угрозу Первейшему?

- Не знаю.

- Куда он направляется? Ты это поняла?

- Не знаю, куда именно, но я видела, что занимало его мысли всё время заточения, - в воздухе сгущается образ. Он висит, поворачивается и мерцает, выдавая им и себя, и меня.

- Меч, - задумчиво говорит Хеккаррон.

- Он всё время думал о нём. И теперь ищет его, будто отец потерянного ребёнка.

- Когда мы его арестовали, с ним был меч. Огромный клинок, едва ли подходящий даже воину такой стати. Редкое и причудливое оружие, это мы поняли, даже не вынимая его из ножен.

- Куда вы его отправили? - спрашивает Анция.

- В безопасное место.

- Тогда нам лучше его забрать, хранитель Хеккаррон.

- Почему же?

- Возможно, нам и не найти его в лабиринте Дворца, но если этот меч будет в твоих руках, нам и не

придётся. Он сам нас найдёт.

Ах да... меч. Не мой, пусть я и носил его на протяжении долгих жизней. Необыкновенное оружие, выкованное для одной цели, но сейчас следующее к другой судьбе. Гадаешь, почему я не упомянул его раньше? Извиняться за это не буду. Все мы храним свои тайны, и я не писатель этой истории, а лишь рассказчик. И потому клинок лишь теперь становится стержнем происходящего. Давай немного о нём побеседуем?

В конце концов, меч и вызывает у людей столько же вопросов, сколь и его носитель. Гаданий. Теорий. Страхов. Поэтому сперва вернёмся к истинам. Я - носитель меча. Клинок висит на моей спине потому, что от острия до навершия он длинной с меня самого. И он скрыт в ножнах. Навершие - заострённое, способное крушить кости и лицевые пластины, и пустое внутри, созданное таким для равновесия. Крестовина выкована из сплава золота и адамантия. По обе стороны от выбеленного черепа распростёрты красные крылья. Этот меч не спутать ни с чем. Таковы истины, то, что можно увидеть и пощупать.

Что же до клинка? Что можно сказать наверняка о клинке, не покидавшем ножен? И здесь мы прощаемся с истинами, ведь я ни разу не обнажал меч. Во всяком случае, на глазах у других. Если я когда-либо доставал его и смотрел на него... *на длинный язык металла, обоюдоострый клинок с долем, тянущимся от рукояти до острия...* и никто другой этого не видел, можно ли считать, что я его обнажил? Считают ли упавшего замертво одиноким и забытым человека мёртвым или живым? Или и тем, и другим?

Думаешь, я обнажил его? А это важно? Конечно важно. Ведь важно всё. Каждая деталь. Думаешь, было бы важно, окажись обнажённый клинок не обоюдоострым мечом рыцаря, но клинком с лишь одним острием... *острием из отполированного серебра, блестящего на опалённом металле, непроницаемо тёмном как безлунная ночь, где вместо звёзд мерцают сигилы, обещающая смерть...* оружием, выкованном для чернокнижника? Много бы это изменило? Думаю, ты уже понял ответ.

Но клинок сломлен. И это ещё одна история, гуляющая и среди моих последователей, и среди преследователей. Непрощённых и Падших. Ведь про их рассказы и догадки я и говорю. Кроме них кто-то знает, что я вообще существую? Кому-то есть дело? Вот это вопрос, достойный размышлений. Сломанный клинок, некогда цельный, разбитый на войне, жаждущий, чтобы его перековали... Метафора, прекрасно описывающая две части легиона Тёмных Ангелов: тех, кто пал, и тех, кто остался верным. Представьте, что две половины соединятся вновь, конечно же, ради достойной цели. О да... за факелом такой историей не жаль и пойти во тьму. Правда ли она? Да. Все такие истории правдивы, даже если не являются правдой.

Что приводит нас прямо к вопросу о том, чей же это меч... Не мой. Думаю, с этим мы все можем согласиться, не так ли? Есть... разные возможности, и за каждой таятся следствия.

У Льва Эль'Джонсона, моего генетического отца, был меч. На самом деле, за годы сражений бок о бок с нами он пользовался многими. Одни подходили к определённым стилям боя, другие - привлекали своим символизмом. Однажды я видел, как Лев прорвал строй со щитом и булавой в руках. Сама мысль, что примарх мог носить одну и ту же броню и сражаться одним и тем же оружием на протяжении веков на тысячах полей брани... смехотворна. Впрочем, не важно, что у него было так много оружия. Ведь когда я говорил, что у него было меч, то имел в виду лишь один: Львиный Меч. Бледный огонь^[24] в его сердце, взмах его - последний вздох. Меч палача. Меч короля. *Тот самый меч.* Тот ли это клинок, что я

храню?

И если так, что это значит? Хочу ли я убить человека, или же дело в том, что символизирует Львиный Меч? Возможно и то, и другое...

Склониться перед Императором. Протянуть Ему меч. Попросить о прощении. Попросить об исцелении.

Встать перед Императором. Направить на него меч. Обвинить Его в Его преступлениях против человечества. Вонзить клинок в труп.

Думаю, Львиный Меч подошёл бы для обеих целей. Но ведь есть и другие возможности...

Желания искупить предательства, как и самого предательства, не бывает без предателей и преданных. Что если меч это вовсе не клинок моего генетического отца, но оружие, которым его пытались убить? Повергатель тиранов. Наполненный отголосками силы старше и примархов, и Империиума. Смертоносец, орудие ненависти и возмездия. Меч Лютера. Оружие не полубога, а человека, выкованное, чтобы убивать богов и их потомков.

Но возможно, что и это не правда. Что если важен не сам клинок, а то, что он можешь рассечь, что он может открыть? Непрощённые хранят свои Клинки Грехопадения, и каждый из них - и оружие, и ключ. Отпирающий все заточённые в их крепости тайны. Что если это один из них? Безымянный собрат мечей, носимых магистрами и гроссмейстерами Тёмных Ангелов? Меч, что способен отпереть двери к самой важной тайне, о которой не знают даже они. Это возможно, не правда ли? С чего бы ещё мне хранить клинок и всюду носить с собой, не сражаться им? Ну что же ещё может стоять всей этой крови и мук?

Уверен, ты уже знаешь ответ...

В этой вселенной действительно ценны лишь тайны.

Восьмая глава

Келдронов разлом

Пока Хеккаррон беседует с Анцией, я и мои братья бежим по лабиринту Дворца. Мы облачены в доспехи и вооружены, и в ушах наших ещё звенит грохот выстрелов. Наконец, пройдя последний метр в километровом туннеле, мы видим из его распахнутого в насмешку щербатого рта перед собой каньон и два его потрескавшихся скалобетонных склона.

В какой-то момент за прошедшие века сдвиг тектонических плит расколол эту часть Дворца, отчего теперь сквозь неё протянулась бездна. Над нами, под нами, пред нами... повсюду виднеется пчелиный улей из разбитых комнат и коридоров. С верхних уровней водопадом льётся жидкость. Где-то над головой я вижу проблеск чего-то, что может быть лунным светом. Мы останавливаемся на самом краю обрыва. Высоко над нами протянулись мосты, видны огни едущих машин и спешащие в панике люди. Глядя наверх, я слышу треск далёких выстрелов и вижу вспышки. Что-то взрывается у нас над головами, так далеко, что я едва слышу громовой раскат.

- Се - рана в теле мира, оплакивающего падение царствий, - бормочет Бахариил, вглядываясь во мрак.

- Как всегда поэтично, - фыркает Азхар, - но что нам теперь делать, идти назад, а? Что, брат Сайфер, в

твоих планах, как и в земле, нашлась большая дыра?

- Там есть мост, - говорит Корлаил. - Посмотри вниз, он где-то в полукилометре под нами. И по нему никто не идёт.

- Так он разрушен, - возражает Азхар. И он прав, полкилометра заржавевшего железа и износившихся несущих тросов над бездной не внушают доверия. - Может нам проще сразу прыгнуть, а?

Я обдумываю все возможности. Их не много. Выстрелы доносятся издалека, будто сдавленные смешки.

- Рискнём, - наконец, говорю я.

Даже Меченосец не оспаривает решения. И мы начинаем спускаться к мосту. Я не замечаю взгляды наблюдавших за мостом Нариила и Мордекай... но они там, на другой стороне.

- Уверен, что они пойдут здесь? - спрашивает сержант.

- Ни в чём нельзя быть уверенным, - отвечает Мордекай. - Но вероятнее всего пойдут они именно здесь.

- Если так, то мы сможем отправить их обратно во тьму первыми же выстрелами. Мост и так почти обвалился. Пара подрывных зарядов и ракета в слабое место...

- Можем, но тогда никто не найдёт искупления. Ни они, ни мы.

Тёмные Ангелы вновь умолкают. Они ждут, не сводя глаз с разбитого моста над бездной. С тех пор, как они покинули запретную зону, космодесантники прослушивали каналы связи, а брат-библиарий похищал тайны всех разумов, к которым мог прикоснуться незамеченным. Они - опытные охотники, и потому составили карту и сами выбрали место встречи со своей добычей.

- Вижу движение, - докладывает по воксу один из Тёмных Ангелов. - На другой стороне разлома, двести метров над мостом и спускаются!

- Принято, - отвечает сержант. - Ждите приказов.

Мы делаем первые шаги через бездну. Мы идём осторожно, по двое. Я жду, наблюдаю. От падающих сверху капель вокруг собирается туман. И у меня чешется затылок. Нахмурившись, я вглядываюсь во тьму на другой стороне провала.

- Что-то не так, господин? - спрашивает меня Корлаил.

Я не отвечаю. Бедный, верный, раскаявшийся Корлаил. Ведь он тоже это чувствует. Что-то надвигается. Что именно, не знаю ни я, ни кто-либо из моих братьев, но мы все это чувствуем. Мы, Падшие, ускользали от охотников на протяжении целых жизней смертных, и поэтому в каждом из нас появилась инстинктивная осторожность. Так почему же мы не остановились и не сошли с этого пути? Потому, что мы спешили, потому, что инстинкты иногда ошибаются. Хорошее объяснение, не правда ли? Конечно, возможно у меня были и другие причины. Возможно, что я лгу тебе... А пока же я вижу, как идущие впереди братья доходят до центра скрежещущего моста.

А над ним клубится туман. Я слышу, как скрипят натягиваемые ветром тросы. Перестрелка на верхних ярусах утихла.

- Господин? - снова спрашивает Корлаил.

- Пора.

И я шагаю по мосту, а Корлаил следует за мной. С каждым шагом по его доспехам бренчат десятки ключей. Мы не спешим. Оружие в ножнах и кобурах. И тогда-то Мордекай и видит меня в первый раз.

- Это он... - шепчет библиарий.

И ему не удаётся скрыть благоговение из голоса. Ведь для Внутреннего Круга я - не просто добыча. За столько веков тень неуловимого странника омрачила их мысли. Теперь я - алеф^[25] в их поисках искупления, мой образ и имя олицетворяют всё, что они ненавидят, о чём надеются и чего боятся.

- Это и в самом деле он, сам Владыка Падших...

- Он почти у середины моста, - замечает Нариил. - Приказывайте, брат-библиарий.

Лицо не сводящего с меня взгляда Мордекай суровеет.

- Взять его.

Первая ракета ударяет по мосту в десятке шагов позади нас. Взрыв разрывает металлические тросы и настил. Потом грохочут выстрелы, раздаётся ответный огонь, и во мраке вспыхивает пламя новых взрывов. Мост содрогается и раскачивается под ногами. Опоры на одной стороне раскалываются. Мы бежим, стреляя в неизвестных врагов. Истерзанный металл вопит. Я вижу, как кто-то выдвигается на позиции на склоне впереди, на них силовые доспехи, а в руках одного из них, чей шлем окутан призрачным сиянием, меч. Он будто собирается спрыгнуть прямо на мост. Смотрит прямо на меня....

И я чувствую в этом взгляде и ненависть, и изумление, и благоговение. *Они здесь.*

Это может показаться невероятным, но они здесь. Тёмные Ангелы. Ожесточённые сыны нашего отца. В глубине души я понимаю, что, разумеется, всё это было неизбежно. Предначертанное будущее неотвратимо. Мы можем попытаться избежать его. Попытаться встретить его раньше, на своих условиях, сойти с уготованного пути, но оно всё равно настигает нас.

- За Льва! - кричит Корлаил. Мы бежим. Все. Азхар сжимает в кулаке булаву, и на его открытом лице виден оскал. Меч Корлаила - застывшая молния, выкованная из стали. Голубое пламя окутывает обнажённые кулаки Бахариила и пылает в его глазах. Мы все бежим по содрогающемуся мосту. Я уже ясно вижу охотников, преграждающих нам путь и ждущих на склоне. Трое уже на мосту, стреляют, сжимают окутанные энергией клинки... чёрные доспехи скрыты рясами кающихся грешников, пистолеты каждым выстрелом разгоняют мрак, и они быстры. Знаешь, если бы ты взглянул со стороны, то не сразу бы понял, кто из нас Падшие, а кто Непрощённые.

+ Подчинитесь и обретёте искупление+ - гремит в наших разумах крик Мордекай.

Искупление... как заманчиво. И ведь они его обещают честно, от всего сердца, но предлагают то, что не могут дать.

Я убиваю первого из Тёмных Ангелов. Три выстрела. Болт выбивает оружие из рук. Второй бьёт в нагрудник, отбрасывая его назад. А потом разряд плазмы испепеляет голову пытавшегося встать

космодесантника. Мгновение. Даже мгновения не потребовалось мне на то, чтобы выхватить пистолеты и выстрелить. И Тёмный Ангел падает замертво. Он - первый из убитых мной братьев Мордекая, первый, но не последний.

Удивлён? Зря. Я ведь не из ангелов, созданных из милосердия.

Смерть брата на миг ошеломяет Мордекая. Он уже охотился на моих сородичей прежде, но не был готов ко встрече со мной. Впрочем, он быстро приходит в себя. Библиарий направляет потоки варпа, мысленно протягивает к нам руки.

Мои конечности обвивают оковы из невидимой энергии. Мчавшийся за мной в бой Корлаил замирает, оплетённый телекинетическими путами. По рушащемуся мосту растекается изморозь, воздух наполняется тусклым сиянием. Мордекай сжимает наши тела в призрачных кулаках. Он страдает, с каждым услышанным душой воплем в его разум будто впиваются раскалённые иглы. Но это стоит того, чтобы удержать нас на месте, ради этого он снесёт любые муки. Он слышит последние крики духов, исчезающих в Золотом Троне, и вой бушующей на той стороне бури.

- Разбейте... мост... - приказывает он.

Со склона летит ракета. Она врезается в мост, раздирая последние опоры. Обломки падают в бездну. Но мы остаёмся там же, где были, пусть под нашими ногами больше и нет опоры. Телекинетическая хватка удерживает нас на месте. Слабые духом бы сломались от такого бремени. Но душа Мордекая сильна, и путы его не ослабевают.

А затем сознание Бахариила врезается в разум Мордекая, будто кулак в кольчужной перчатке. Пламя бушует повсюду вокруг моего брата. Его доспехи - чёрный силуэт посреди бушующего огненного вихря.

- Красно лезвие клинка, - восклицает он, - и сверкает пылающее небо!

И Бахариил притягивает к себе падающий, но ещё не исчезнувший из виду мост. Навстречу нам летят каменные блоки, искореженные балки, тросы и железные брусья скручиваются в виадук.

Мордекай отшатывается, крича от боли. Мои саботоны сталкиваются с взлетевшими камнями.

Призрачные змеи извиваются среди треснувших блоков и ржавого металла. Я вновь бегу, и братья следуют за мной. Бахариил воспарил над бездной, будто пылающий ангел.

На уступе над нами Мордекай падает на колени. Под доспехами его тело истекает кровью. Он хотел взять нас живыми, забрать с собой навстречу допросам, исповеди и бессмысленному отпущению грехов перед смертью. Да, хотел он этого, но раз желаемое невозможно, то он сделает то, что должно. Не даст нам скрыться.

- Открыть огонь! - кричит он.

Засевшие на склонах каньона Тёмные Ангелы начинают стрелять. Ракеты, плазма и град болт-снарядов рассекают мрак. Ракета разрывает почти добежавшего до края моста Кхайла на части. Во все стороны летят клочья мяса и осколки брони. Он даже не успевает закричать, а затем исчезает во тьме. На нас вновь обрушился огненный дождь. Его капли - выстрелы, и сходятся они вокруг Мальхиила. Он исчезает. Ещё одного из наших братьев больше нет, он сгинул под раскаты барабанной дробы взрывов.

Снаряд ударяет в мой наплечник и взрывается. Шлем сотрясают поцелуи осколков. Я шатаюсь, едва не

падаю на мост, удерживаемый вместе лишь колдовством. Смерть так близка. Я вижу стволы болтеров, вижу, как сжимаются на курках пальцы тех, кто хочет отправить меня во мрак.

Но я не умру в эту ночь.

Бахариил возносится над нами, сверкая, как падшая звезда, бросившаяся обратно в небо. Он содрогается. Вокруг него всё быстрее кружат обломки. Истекающее из его раненной души пламя ослепляет. Бахариил и просветлён, и нечист. Как же часто он становился наши спасением...

Его вновь трясёт, а затем каменная буря устремляется вперёд быстрее звука. Осколки впиваются в доспехи, пробивают линзы, давят тела. Мы, я, Корлаил и Азхар уже добрались до края моста. Я убиваю ещё двух Тёмных Ангелов, одного из милосердия, другого из злобы. И вот мы вырвались из засады и уже бежим по туннелю. Азхар медлит, стреляя в воина, который пытается подняться на ноги. Нас осталось девять. Если бы Тёмные Ангелы не хотели взять нас живьём, то погибло бы больше... Такова расплата за гордыню. Мордекай и его уцелевшие воины преследуют нас. Бахариил то ли парит, то ли ковыляет рядом. Окутывающее его варповское пламя угасает. Проход начинает осыпаться.

А Меченосец отстаёт, отстреливаясь от Тёмных Ангелов.

- Азхар! - кричит Корлаил. - Довольно!

- Ты - трус и глупец, брат! - отвечает ему Азхар.

И когда он наполовину оборачивается, чтобы презрительно что-то процедить Корлаилу, на нём вновь смыкается телекинетическая хватка. И рывком утягивает навстречу року. Проход между нами рушится, режут истерзанные камни.

Корлаил оборачивается и бросается к новой стене, ища путь назад, не обращая внимания на стучащие по наплечникам и шлему камешки. Все мы останавливаемся. Ведь теперь нас ещё меньше. Лишь восемь рыцарей Калибана всё ещё странствуют в поисках отпущения грехов.

- Азхар! - кричит Корлаил, но лишь грохот обвала ему ответом.

- Боги одарили нас всей милостью, какой могли, - хрипит Бахариил, измотанный, уставший. - Время суть песок, утекающий сквозь пальцы. Нас следует бежать, если мы ещё хотим жить.

- Азхар - наш брат, - огрызается Корлаил. - И мы поклялись, что не дадим никому из нас попасть в лапы Непрощённых.

Хотел бы я, чтобы все мы были такими, как он, верными, преданными до самого конца. Но это не так.

- Азхара больше нет, - говорю я, - и нам надо идти дальше.

Опускается тишина, слышен лишь скрежет и стук камней.

Корлаил смотрит на меня. Красные как угли линзы его шлема мерцают во мраке.

- Такова твоя воля, господин?

- Да.

И мы бежим.

Девятая глава

При дворе ассасинов

Хеккаррон шагает по Дворцу, будто солнце, изгоняющее ночь. Среди великолепных флигелей горят пожары, а стены сотрясает грохот битвы. Смятение и анархия охватили львиную долю чуда всей галактики. Да, всё рушится даже внутри стен величественной опоры власти Императора. Такие настали времена. Средоточия порядка суть острова в океанах бушующего пламени и страха. Их врата заперты, а любого, пытающегося попасть внутрь, ждёт лишь смерть от пуль и клинков. Её уже встретили сотни знатнейших людей, желавших лишь найти прибежище в закрытых анклавах, но никто не преграждает в них путь Хеккаррону и Анции ни клинком, ни даже словом. Он - хранитель сего царствия, ценнейший агент его службы безопасности, наделённый властью от имени самого Императора. Лишь истинные глупцы преградили бы путь кустодию и его прорицающему рок авгуру, и потому никто не рискнул это сделать за всё время пути к цели.

И вот они поднялись на вершину многоярусной башни к северу от Львиных Врат. Здесь их не ждали стражи, но они и не были нужны. Порывы ледяного ветра хлещут башню, оставляя снег на гранитных мостах, что тянутся от неё к громаде Дворца. Ни окна, ни бойницы не закрыты, и слышен стон кружащих вихрей. Лунный свет над шпилем затуманен отблесками пустотных щитов. По куполу небес будто швы тянутся нити выстрелов и дуговых вспышек, следы яростного воздушного боя. На выступающих со стен башни гротескных скульптурах сидят вороны, не сводящие с гостей взгляда красных бионических глаз. Это место, как и многие здания внутри Дворца, является аванпостом одной из удерживающих живым полумёртвый Империум организаций. Зовётся же оно Двором Ассасинов.

Анция и Хеккаррон останавливаются у ведущего к башне моста. Над голыми камнями свистят поры ветра, приносящего от пустотных щитов хлопья снега и запах озона.

- За нами наблюдают, - говорит прорицательница, не сводя взгляда с кибер-воронов, что взлетели с насестов и кружат над их головами.

Кустодий кивает, всё так же глядя на ждущий их пустой мост.

- Как наблюдали последний десяток километров через кибер-окуляры своих устройств. А один из кланы виндикаров следит за нами через прицел винтовки с того момента, как мы подошли к мосту. В методичности агентам Оффицио Ассасинорум не откажешь.

- А ведь они послали и другого, - беззаботно замечает Анция. - Перевертыш-каллидус следовал за нами с тех пор, как мы прошли по Процессии Героев.

- Да, и он тоже.

- Им следует быть осторожными.

- Ассасины всегда осторожны. Так они и пережили тысячелетия.

- Я имею в виду сейчас. Я чувствую поток мыслей снайпера. Они встревожены, Хеккаррон. И не подчинили своих страхи так надёжно, как думают. Впрочем, бояться они не зря...

- И чего же? - спрашивает кустодий, уже зная ответ.

- А того, что если они встанут у нас на пути, мы их всех убьём.

И они идут по заметённому снегом граниту.

Тебя удивляет её настрой? Думаешь, что она зря уверена, что они вдвоём могут расправиться с высшими хищниками в Империи?

Как знать. Ассасины были частью Империи столь же долго, как и кустодии, а возможно и дольше. За века от их рук погибали люди и большие, и малые, и в Галактике немного созданий, которых убийцы не могут отправить навстречу со Смертью, если им дать время на подготовку. Но хотя ассасины и являются почти совершенными орудиями убийства, кустодии - лучшие воины из всех, что когда-либо носили бремя телохранителей. Представители обоих родов генетических сотворённых созданий прошли через столь суровое обучение, что его бы не пережили и величайшие из обычных воителей. Все они искусны, стремительны, умны, смертоносны. Одни - полубоги в злате, другие - поджидающие тени. Две стороны одной монеты, так похожие и в то же время совершенно разные. Как знать, возможно уверенность Анции и оправдана. В любом случае, война между ассасинами и кустодиями так же мало вероятна, сколь она была бы разрушительной.

У входа в башню нет дверей, но путь им преграждает человек, закутанный в рваный шёлковый плащ. Кожаная маска скрывает всё, кроме рта, закрывает глаза, отчего он выглядит точь-в-точь как один из копошащихся у святынь незрячих паломников. Но на самом деле он вовсе не слеп. Слепота - лишь часть ритуала, часть его роли при дворе, и даже с закрытыми глазами он знает каждую подробность мира вокруг^[26]. Страж опирается на древко топора, что длиннее его самого. На первый взгляд он стар, а плоть его больше не выносит полиморфин, наркотик, когда-то позволявший ему изменять своё обличье. Да, он стар... но медлительность движений и дрожь крючковатых пальцев это лишь иллюзия. Имя ему - Крад, и он - смотритель Двора Ассасинов.

- Здесь ты остановишься, кустодий, - говорит Крад.

Хеккаррон останавливается. Ветер треплет красный плюмаж его шлема. Их разделяют пять человеческих шагов.

- Мы пришли по срочному делу, честнейший смотритель, - отвечает кустодий.

- Честь здесь не в чести, хранитель Хеккаррон, - качает головой ассасин, и губы его кривятся в мертвенной усмешке, обнажая жёлтые зубы. - Но я ценю эту вежливость. Зачем ты пришёл сюда со своим авгуром?

- В эту ночь к вам прислали на хранение оружие. Меч. Ты знаешь, о чём я говорю. Верни его.

Крадус молчит, задумавшись, а потом выпрямляется, и его заснеженный шёлковый плащ хлопает на ветру.

- Заходи, - говорит он. - Нас следует обсудить это дело.

Он поворачивается и идёт, хромая, к ведущему в башню проёму. Но потом, пройдя два шага, замирает и оглядывается, резко поворачиваясь к Анции.

- А вот ведьма возможно захочет остаться снаружи. Едва ли ей придётся по душе ждущая встреча.

- Остаться снаружи она не захочет, - цедит Анция, пренебрежением в голосе способная пристыдить и короля. - И если ты не будешь обращаться ко мне напрямую и вежливо, то я вцеплюсь в твой череп, разорву мысли в клочья и оставлю лишь истекающую слюнями оболочку.

- Неплохо, да неплохо, - усмехается Крад. - Мои извинения, почтенный авгур Анция, но помни моё предупреждение. Возможно тебе не понравится то, что таится внутри.

Без лишних слов ассасин оборачивается и идёт вглубь башни. Анция поднимает бровь, покосившись на Хеккаррона. Тот лишь едва заметно пожимает плечами и идёт за смотрителем.

Внутри башня похожа на спиральную раковину морского создания, высеченную из камня и заполненную тенями, что отбрасывают горящие факелы. С каждым вздохом изо рта выходят клубы пара. Окон нет. Лестничные пролёты выгибаются ввысь, расходятся и исчезают за дверями, по причинам, которые гостям не понять. Они кружат вокруг неглубокой чаши, что тянется в ширину на десяток шагов и окружена высеченными ступенями. В центре - круглый провал, тянущийся во тьму. Таков Двор Ассасинов. Говорят, что его создали по образу и подобию Дворов Смерти времён Старой Ночи, куда приходили и чернь, и знать, чтобы торговаться за возможность покончить со своими врагами и защитить тех, о ком заботились. Анции и Хеккаррону, как некогда мёртвым императрицам и сгинувшим королям, приказали встать на самом дне чаши, прямо перед круглой бездной.

- Прошу, встаньте здесь, господин хранитель и господа авгур, - говорит им смотритель Крад. - Уверен, что ты знаком с нашими правилами и обычаями, но в вопросах благовоспитанности нельзя быть небрежными, не так ли?

- Как пожелаешь, - отвечает Хеккаррон. Они ждут, а Крад хромает к другой стороне чаши. В этот момент Анция начинает чувствовать холод. Сперва лишь трепет глубоко под кожей в костях, затем хлад, а потом тысячи ледяных иголок будто колют и её разум, и её тело. И дело вовсе не в температуре в комнате. Нет, это другой хлад, холоднее мёртвых звёзд, из глубин мрачнее пустоты космоса. Её это ужасает. Конечно, она ничем не выдаёт страха. Ничем, кроме быть может сузившихся зрачков и неподвижного лица.

- Что-то грядёт... - замечает она, заставляя себя говорить спокойно.

Теперь это чувствует и Хеккаррон. Даже его вознесённая душа ощущает притупляющий чувства мороз и отголосок ужаса. И он тоже знает, что это такое. Не зимняя стужа, ни ведьмовство. Это - хлад небытия, вопящей бездны, что поглощает свет и все надежды, погружая в вечную тьму.

- Наблюдатель и Глас почтили вас своим присутствием, - объявляет Крад.

Две фигуры появляются из клубящихся на краю зала теней. Первая носит маску в виде птичьего черепа. В глазницах мерцают линзы сканеров. Голову обрамляет ореол антенн и сенсоров. Из рук тянутся посеребрённые клинки. Это - Наблюдатель Двора Ассасинов, и имя её - Нур^[27].

Вторая высока, возможно даже выше Хеккаррона. Она закутана в накидку из поглощающей свет ткани, отчего кажется плоской тенью, провалом в ткани мироздания. Из-под капюшона скалит зубы человеческий череп. Имя её - Тета, и в соответствии с древними соглашениями она избрана из храма кулексус. Тета^[28] - бездушное создание из числа тех, что прокляты геном парии, а на месте её души в море - пустота. Искусства храма преумножили это качество, превратив её в вихрь отчаяния и забвения во плоти. Она - Глас Бездны, говорящий редко, её каждое слово - приговор к смерти... или жизни.

Ковыляющий Крад занимает место рядом с Наблюдателем и Гласом, и мрачный триумвират смотрит на гостей с другой стороны провала.

- Представляю вас моим... товарищам при Дворе, - говорит Крад, - Гласу Бездны и Наблюдателю Двора.

Уверен, что...

- Крад, я ведь и так знаю, кто они, - вздыхает Хеккаррон. - Довольно этой гротескной помпезности.

- Полно, полно, где же великолепное воспитание, которое ты показал перед входом? - Крад ухмыляется. - Кустодии всегда впечатляли меня своим великолепным пониманием вопросов благочиния, - смотритель бросает взгляд на неподвижный Глас, а потом снова смотрит на Хеккаррона. - Неужели что-то действует вам на нервы?

- Мы пришли, чтобы забрать оружие, которое отдали вам на хранение, - сухо отвечает кустодий, не обращая внимания на насмешку.

- Неужто? Но ведь за прошедшие годы ваш орден отправил нам столько оружия. Что-то для того, чтобы поняли его природу. Другое для использования. Что-то, чтобы скрыть само его существование, пока все не забудут... - он умолкает, и ухмыляется ещё шире. - Но теперь хранение всего этого оружия - *наш* долг.

- В эту ночь к вам отправили меч, - отвечает Хеккаррон. - Он пробыл у вас не более пяти часов, и теперь вы должны вернуть его.

- А я-то думал, что вас обучали дипломатии... - смотритель качает головой, деланно показывая разочарование.

- Ты вообще видел, что творится снаружи? - говорит Анция. - Горит сам Дворец, а в пламени танцуют порождения варпа.

- А ты что же, считаешь, что это первое бедствие, обрушившееся на Тронный Мир? - пожимает плечами Крад. - Не первое, как не первый и случай, когда его защитники приходят к нам, требуя вернуть хранимые нами тайны. Но не важно, пробыли ли они под нашим надзором час или десять тысяч лет. Меч останется у нас.

- Вы рискуете всем, понимаешь? - на лице Анции застывает гримаса неверия. - Всем.

- Мы понимаем, - отвечает Крад, на этот раз серьёзно и без всякой насмешки - Мы понимаем лучше тебя, что может сделать одно оружие и один человек в нужном месте и в нужное время. И поэтому мы должны отказать вам в этой просьбе.

Опускается тишина. Наконец, Хеккаррон кивает.

- Да будет так, - говорит он, и наполовину поворачивается к двери. Движение его совершенно человеческое, спокойное, непринуждённое, покорное. Он отворачивается от трёх ассасинов и шагает прочь. - Пойдём, Анция.

Она не сходит с места.

- Нет, хранитель, - голос её холоден, но этот лёд хрупок. - Мы не получили то, за чем пришли.

- Но ты ведь слышала почтенного смотрителя, у Оффицио есть долг оберегать даже от нас то, что отдано под их надзор.

- Я слышала, и пусть мне и кажется, что речи почтенного смотрителя смердят дерьмом, я знаю, как важны узы долга, - она улыбается. Её черёд говорить. - И поэтому я уверена, что они отдадут нам меч.

Крад качает головой, будто услышав глупую шутку.

- Даже если вы каким-то образом убьёте всех в башне и не оставите камня на камне, то всё равно не найдёте нужное оружие.

- Но ведь я и не говорила, что мы его заберём, - возражает Анция. - Я сказала, что вы его нам отдадите.

- Какая чушь...

Анция всё ещё улыбается.

- Простите, я не так внимательно изучала вопросы ваших традиций и обязанностей, как хранитель Хеккаррон, но, если мне не изменяет память, Оффицию Ассасинорум обязано исполнять все полученные приказы по ликвидации, не так ли?

- Именно так, - хмурится Крад. - Но какое это...

- И у вас есть приказ по устранению, изданный несколько тысячелетий назад и неоднократно подтверждённый инквизиторами, лордами-воителями и командующими-солярами. Приказ об устранении одного отступника-космодесантника неизвестного происхождения. Отступника, известного под кодовым именем "Сайфер". Пока что вам не удалось ликвидировать эту цель, несмотря на... дайте-ка вспомнить... десятки прошедших веков, тридцать четыре попытки и потерю четверых оперативников. Уж извините, если я путаюсь в некоторых подробностях.

- И что с того?

- Так он здесь. Ваша цель - здесь.

- На Терре?

- В самом Дворце, - Анция кивком показывает на птичью маску. - Уверена, что это уже известно Наблюдателю вашего Двора... конечно, если она и в самом деле наблюдательна, а не просто...

- Ваше хамство неприемлемо, авгур! - цедит Крад.

Анция чуть склоняет голову.

- Ну простите, наверное что-то действует мне на нервы, - она бросает взгляд на Глас Бездны, и вновь смотрит на Крада. - Цель, которую вам не удавалось устранить на протяжении тысячелетий здесь, и сейчас он ищет меч. Отдайте его нам, и это выманит Сайфера из укрытия, и вы сможете исполнить обязанности своего Оффицио. Осталось лишь согласиться, не так ли?

- И насколько ты в этом уверена?

- У всех нас есть сильные стороны, смотритель. Моя - знания о будущем. Напомни, а чем занимаешься ты?

Хеккаррон поднимает руку, обрывая перепалку.

- От имени Адептус Кустодес я готов поддержать предложение от авгура Анции к Оффицио. Вы согласны?

Опускается тишина. Анция и Хеккаррон не сводят глаз с ассасинов. Хорошее они разыграли представление, как думаешь?

Убивает затянувшееся молчание не Крад, но Тета, Глас Бездны.

- Мы согласны, кустодий. Меч вновь увидит свет.

- Примите благодарность Трона, - отвечает Хеккаррон. Кустодии не преклоняют колени ни перед кем, кроме Императора, но его кивок - высшее проявление уважения.

- Не благодари нас, - отвечает ему Глас Бездны. - У таких даров есть цена, кустодий. И об этом следует помнить даже тем, кто слеп к будущему...

И с этими словами все трое исчезают, будто развеянный ветром туман.

Десятая глава

Чертог разума Азхара

В лесу идёт дождь. Листья содрогаются под тяжёлыми каплями и шелестят по ветру. Азхар открывает то, что считает своими глазами. Над ним нависают стволы и ветви вековой дубравы, кривые ветки цепляются за серое небо, еле виднеющееся сквозь тёмный полог. Воин поднимается на ноги, шагает вперёд - туда, где вдалеке виднеется просвет. По его лицу стекает вода. И когда он поднимает голову, подставляя щёки каплям, то ощущает на губках и языке такой знакомый вкус. Вкус потерянного дома.

- Так вот каким он был... - раздаётся позади голос.

Азхар оглядывается и видит сидящего на сложенной из поросших мхом камней пирамиде человека. Тот облачён в белёсую накидку. Из-под накинутого капюшона виднеется кожа цвета меди. Азхар молча глядит на незнакомца, а потом поворачивается к чащобе. Она выглядит такой знакомой, такой настоящей, но при этом абсолютно нереальной.

- Да, - наконец, отвечает он. Его голос спокоен. В нём больше не тлеет неугасимый гнев. Нет, теперь он говорит, как человек, понимающий, что его путь в сём мире подошёл к концу. - Это - Калибан, каким он был... до Льва, дол Лютера, до Имперіума. До всех нас, - вздыхает он, покосившись на собеседника. - Знаю, ты никогда не видел его прежде.

- И знаешь, кто я такой?

- Естественно. Я ведь видел тебя на мосту. Ты - библиарий капитула, несущего бремя имени и позора легиона, частью которого когда-то был.

- И всё ещё являешься, - возражает Мордекай, - как и я.

Азхар смеётся. Его лицо выглядит моложе, чище, его не марают не сходявшее в реальности выражение кривой усмешки.

- И ты ведь и в самом деле в это веришь, а? Но ведь мы оба понимаем, что это не так. Легион давно мёртв. Я - призрак его ошибок, ты - отголосок гордыни.

- Это не так, - отвечает Мордекай и поднимается на ноги, сбрасывая с лица капюшон. Его кожа отмечена шрамами, оставшимися после испытаний, штифтами за выслугу лет и татуировками. - Ты - мой брат, и пусть ты и пал, оступившись, ты всё ещё можешь покаяться. Обрести искупление.

- А кому оно действительно нужно - мне или тебе? - Азхар разводит руками. - Пусть нас и окружают мои воспоминания, мои мысли, в реальности мы стоим где-то в глубинах Имперского Дворца. Какие злодеяния ты совершил, зайдя так далеко, библиарий? Какие новые грехи бросил на грудь старых лишь чтобы предложить мне искупление?

- Моя совесть чиста.

- Как и моя.

Под шелест листьев и капли дождя воины стоят, не сводя друг с друга глаз, среди грёзы о давно сгинувшем мире.

- Ты предал Льва, - нарушает молчание Мордекай. - Обратился против своих братьев. Присягнув отродьям тьмы. Разве тебя не гложут муки совести?

- Нет, - возражает Азхар. - Не гложут. Предать можно лишь тех, кто был достоин верности, а не лживых глупцов.

Мордекай молча отворачивается, вглядывается в листву.

- Но ведь сейчас не обычная ситуация, не так ли? Вы ведь не уводите нас в чертоги позабытых воспоминаний, чтобы предложить покаяние под каплями дождя... для этого есть ножи.

- Ты много не знаешь и не понимаешь, предатель.

Азхар качает головой. Но на его лице видна не горечь, но скорее понимание.

- Знаешь, мы ведь тоже брали в плен твоих братьев, и они многое нам рассказали о том, как проходят дознания... Пусть и не сразу. Обычно задают вопросы и предлагают искупление череполикские капелланы. Вы же - не спасители, а помощники, ищущие истину среди плевел лжи.

- Жестокость - не единственный путь к прощению, - возражает Мордекай. - Но самый лёгкий и привычный.

- Неужели? И какие же другие?

- Исповеди, епитимьи... - мысленный образ библиария пожимает плечами, и деревья содрогаются. Грохочет гром. Азхар с улыбкой оглядывается по сторонам.

- Песчинки утекают, а, библиарий? Во Дворце ты ведь такой же беглец, как и все мы. Каждый миг в моём разуме таит опасность раскрытия, поимки, не говоря уже о том, что ты такое... и где мы на самом деле.

Дождь умолкает. Поднимаются порывы ветра. С деревьев осыпается листва. Земля дрожит. Мордекай оглядывается по сторонам, чувствуя, как трескается его кожа, как голоса в порывах ветра зовут его.

- Ты - колдун, библиарий. Здесь... на Терре, так близко к Золотому Трону - твоя сила, бремя, которого я бы никому не пожелал.

И голоса становятся всё громче, всё яснее. Мордекай пытается их заглушить. Его воля сильна, очень сильна. Нельзя стать эпистолярием Тёмных Ангелов без воли, способной сокрушить железо. Но психическое давление нарастает, и даже самому сильному из людей не удержать целый океан.

- Нет, ты здесь не для того, чтобы вести меня к искуплению. Времени убедить меня в греховности моих

деяний нет, а? Значит, тебе что-то от меня нужно...

Мордекай успокаивает дрожащие мысли, ветер утихает, лес замирает. Образ его лица вновь становится цельным. Азхар глядит на него со всё той же искренней улыбкой, которую никто из нас не видел уже много веков.

- Ведь дело в нём, а? В Сайфере. Он - твоя цель. Понимаю, я ведь тоже когда-то пытался его прикончить. И не смог. Видишь ли, твои собратья могут ненавидеть нас, жалеть... пытаться дать нам искупление. Но я никогда не чувствовал к нему ничего, кроме отвращения.

В ответ Мордекай просто кивает. Простое движение требует таких усилий, что по небу пробегает раздвоённая молния.

- Куда он направляется? Чего он хочет?

Библиарий пытается удержать телепатическую связь, но варп кипит. Голоса на ветру вливаются в его разум, будто бритвы.

- Ты ведь убьёшь меня, Тёмный Ангел, - вздыхает Азхар. - Сколь ни говори про искупление, конец один... Но, пожалуй, я готов к последнему предательству.

Лес исчез. Теперь мыслеобразы космодесантников стоят среди серой бесконечности. Азхар улыбается ещё шире.

- Хочешь, я посвящу тебя в тайну?

При дворе ассасинов

Крад сидит на камнях в зале, высоко на краю башни. У стен лежат серые снежинки. По полу скрежещут и катятся кости и перья мёртвых ворон. Внутри не ведёт дверь. Единственное окно - неровный пролом, рваная рана, оставленная в стене после попадания ракеты. Мебели нет. Зал - всего лишь огороженное стенами пространство, и посреди него на закрытом люке восседает Крад, выгнув спину. Он всё ещё облачён в мешковатую мантию хранителя, а на лице всё так же маска. Он ёжится, чувствуя боль в костях, чувствуя тяжкий груз личины.

Всё дело в том, что для убийцы из храма Каллидус выбранное лицо становится отчасти настоящим. Они вживаются в чужие жизни вне зависимости от того, становятся ли они сорванцами-попрошайками или грозными полководцами. Вбирая всё - муки, языки, привычки. Они надевают тяжёлый плащ чужой жизни и какое-то время проживают её, будто два человека в одном теле. Они думают и как убийца, и как личина, живут чужие жизни, пока носят чужие лица. Как ещё им бы удавалось избежать обнаружения? Любой другой подход стал бы полумерой, а Оффицио Ассасинорум по природе своей не приемлет полумер.

- Должен ли я свершить это деяние? - спрашивает Крад. В голосе слышна усталость, но и она, и слова это часть обряда. Всё бытие Крада по сути является ритуалом, в котором нет места лишь богу.

Их неспроста называют храмами убийц, и выбор слов не является данью наигранности. Нет, все они - древние организации, существовавшие веками ещё до Объединения. Каллидус, Вененум, Виндикар, Кулексус, Ванус, Эверсор. Их разделяет не методология, а истовая вера и убеждённость. Их адепты существуют не для того, чтобы просто нести смерть, но ради особенного образа убийств, искусства

приготовлений и казней.

Ответом Краду становится лишь молчание. Он помнит, как много лет прожил, сколько жизней отнял. Помнит ребёнка, забранного из горящего дома. Помнит обучение, смертельные игры в прятки и догонялки. Помнит первое забранное им лицо. То была старушка, продававшая паломникам свечи рядом с собором, прямо здесь, на Терре. Он помнит её голос, и будто слышит отголоски слов, срывавшихся с его губ.

- Свет! Возьмите его, и он осветит ваши молитвы Императору! Свет! - говорила она, протягивая свечи проходящим мимо. Некоторые останавливались, бросали монетки в железную коробку на её спине, и брали свечи. Её беспокоила боль в пальцах, тревожили воспоминания о дочери, которая ушла в Южные Зоны пять лет назад и так и не вернулась. Она наблюдала за паломниками, пока не пришёл тот, кто и был выбранной целью.

Он ничем не отличался от остальных. Простота накидки и сандалий скрывала изобильное состояние и власть. Они, как и всё паломничество, являлись лишь притворством, частью епитимьи за грехи. А совершённых преступлений было так много. Он совершил множество зверств и злодеяний, но не они приговорили человека к смерти от рук Оффицио. Нет, смертный приговор стал следствием попыток увильнуть от выплаты десятины ресурсами и людьми, амбиций стать губернатором планеты, даже сектора, грёз отколоться от Империи и самому стать королём. Непомерные амбиции и так мало скрытности. И поэтому он умер. Он умер, нагнувшись за свечой, когда сброшенные микрорядами камни размозжили его голову.

Крад закрыл скрытые маской глаза, вспоминая. Двадцать лет спустя в то же место пришёл сын, унаследовавший и преступления, и амбиции, но куда более опасный, осторожный, хитрый. Он пришёл поставить свечу за упокой души отца, а потом намеревался проложить огненную просеку. И Крад встретил его, протягивая свечу, и когда тот нагнулся, рухнули камни. Жертва могла умереть столь многими способами, быстрыми, кровавыми, но погибла там же, где отец, на том же месте, ударенная обломком той же повреждённой статуи. Вот что было сутью убийства как искусства - ритуал, в котором важна каждая деталь без исключения.

В холодной камере каменной башни Крад снимает с лица маску. Свет вновь прикасается к глазам. Теперь Крад ясно видит предметы на полу перед ним. Один из них - осколок чёрного керамика. Его отсёк от моей брони последний из встреченных мной убийц. И Оффицио нашёл его вместе с телом своего агента. Это - смертельный трофей, физическое воплощение того, что я задолжал убийцам жизнь. Рядом на красном бархате лежат инжектор и кристаллический сосуд. Крад смотрит на них. Его мысли замирают, воспоминания о старых лицах исчезают. Сознание словно пустеет, как выскобленная восковая дощечка, ждущая лишь стилуса.

Он прикасается к осколку, затем поднимает инжектор, вставляет в него сосуд и прижимает к шее. Крад прощается с хранителем, которым прежде был. И нажимает.

Сперва он не чувствует ничего. И кладёт инжектор, представляя образ нового себя. Люк перед ним начинает погружаться вглубь башни, а затем створки смыкаются над головой. Вокруг тьма. Он спускается на металлической платформе по гладкой шахте, чувствуя, как по крови растекается наркотик. А затем в сознании будто взрывается бомба. Мысли, образы, идеи, все воспоминания падают в чёрную бездну. Клетки корчатся. Лишь одна мысль остаётся в железной воле Крада - идея о том, кто он, его "я". И если и эта мысль ускользнёт, то его тело распадётся. Кости станут слизью. Плоть растечётся по стенам. Мысли вскипят, погрузившись с последним воплем в безумие, и он умрёт. Но он цепляется за

свою суть, плывя во мраке.

Таков полиморфин. Священный наркотик Каллидусов. Его впрыснуть его в обычного человека, то тот умрёт в муках, чувствуя, как распадаются и разум, и тело. Представьте, что будет, если плоть покорится разуму вплоть до клеточного уровня, и увидите неизбежную смерть почти любого живого существа. Разум не должен менять своё вместилище так сильно. Ведь мысли мимолётны. А плоть требует неизменности. Взаимосвязь меж ними сулит лишь гибель. Но не для каллидусов. Полиморфин позволяет им изменяться. Становиться кем угодно. Сбрасывать былые жизни будто старую кожу и надевать новые. И ведь благодаря вживлённым в кости и мускулы имплантатам они способны принимать не только обличья обычных людей. Конечно, ни один убийца не может овладеть искусством применения без многих лет обучения. И на каждого преуспевающего приходится гораздо больше оступившихся на долгом пути, где каждая ошибка несёт смерть.

Впечатляет, не правда ли? Но подумайте, как основатели храма прожили достаточно долго для того, чтобы и раскрыть возможности полиморфина, и обрести совершенство в его использовании? А ведь он абсолютно смертоносен. Более того, приносимая им смерть - невыразимый кошмар. Что же произошло с первым, кто его принял? А вторым, третьим, остальными? Они ведь не остановились даже зная, что случилось с их предшественниками. Кто был первым среди выживших? Был ли у всех каллидусов один прародитель - создание, терзаемое муками, чья плоть изменялось вновь, и вновь, и вновь... Оживший ужас, который выжил и обучил остальных? Возможно. Хотел бы я узнать эту тайну, но если её и открывают каллидусам, они мало что рассказывают.

Крад сбрасывает обличье хранителя. То тело было старым. Новое - нет. На нём нарастают мускулы. Укрепляются кости. Кожа разглаживается, а потом на ней проступают шрамы. Белые пятна ожогов. Сплетения шрамовой ткани там, где зажили пулевые раны. Оставленные клинками порезы. Это - воспоминания Крада о каждой ране, которую он получил на службе храму. На сей раз он принимает не чьё-то обличье, но открывает своё, настоящее. Во всяком случае, таким он его видит.

Платформа опускается на самое дно. Тьму изгоняет холодный свет. Крад встаёт, сбрасывая накидку. Он больше не горбится. С каждым движением мускулов натягивается паутина шрамов. На вид Краду не больше тридцати лет, но его глаза - глаза древнего старца.

Теперь он в небольшом круглом зале, освещаемом парящими треснувшими фонарями. С крыши свисают перья и змеиные черепа. На полу стоят цилиндры, окружённые энергетическими полями. Тяжёлые ржавые запоры расходятся от его прикосновения, вырываются из замков. Внутри плещется тёмная и вязкая жидкость. Он достаёт из неё инструменты, снаряжение. Биоинертные капли стекают от каждого из жутких приспособлений: фазового меча, ножей, гривишюта, ослепляющих гранат, имплантатов-игломётов, нейронного терзателя и иного оружия. Он достаёт их без церемоний, иногда даже бросает на камни. Всё часть ритуала, важна каждая деталь, но это всего лишь инструменты. Единственное оружие в зале - сам убийца.

Он прячет часть инструментов в прорези в коже, в скрытые полости в костях. Быстро, будто в танце, чьи движения он повторял столько раз, что теперь они естественны, будто дыхание. Затем Крад наносит на плоть чёрную синтэкожу, оставляя открытым лишь лицо. Он вытирает снаряжение, кладёт оружие в ножны. Наконец, поднимает рваную накидку и набрасывает на плечи. Впрочем, вне Дворца это лишь старая ткань.

- Должен ли я свершить это деяние? - вновь спрашивает он, держа в руке осколок керамики.

Понимаешь, это самый важный вопрос, и он должен быть задан. Таков парадокс организации, живущей ради смерти. Каждое действие должно быть вынужденным. Если же они будут делать всё, что хотят... ну, так мы и оказались среди истекающих кровью звёзд.

- Так предписано. Так предначертано и так и будет, - отвечает он себе, а затем накидывает капюшон на голову, убирает осколок моих доспехов в мешок. Ритуал завершён. Крад обновлён, и грехи его отпущены. Теперь он идёт убить меня.

Интересно, преуспеет ли?

Одиннадцатая глава

Узел связи северной зоны

От беглецов ожидают бегства. Каждый слышал похожую историю о каторжниках, которым удалось ускользнуть из тюрьмы, преследуемых гончими, тяжело дышащих, тревожно оглядывающихся при каждом шуме. Так обычно происходит и охота. И мы ведь все знаем, чем она заканчивается? Настигнутую добычу ждёт лишь жестокий и кровавый конец. Нам всем знакома эта глава истории, мы ожидаем её услышать, знаем, как это происходит везде и всегда. Поэтому нам так и нравится другая история, та, которая никогда не оказывается правдивой. Рассказ о беглеце, благодаря хитрости, упорству и силе способном не просто ускользнуть от погони, но и однажды обрести прощение за все преступления. Вот такая история нашему виду по душе, ведь обещание надежды так заманчиво, пусть и неисполнимо...

В такой ли истории я оказался? Едва ли, согласись? Ведь я и не бегу. Я бросаюсь навстречу клыкам гончих. И у меня есть свои зубы.

Сгусток плазмы с воем несётся по пещере-залу и врывается в топливопровод. Красно-оранжевое пламя вспыхивает, расходится огненным шаром, а потом оседает, омыв самые своды. Отсветы падают на кровь и металл. От воплей содрогаются клубы дыма.

Здесь основной узел связи на этом ярусе дворца. Через него передают бесконечный поток сообщений гонцы, несущие свитки, инфопроводники и кодовые кристаллы. Вокруг виднеются плотные ряды столов, заставленных оборудованием. В узле обитает целый зверинец и людей, и существ, для которых передача потока данных - смысл бытия. В загонах ожидают сведущие в кодовых техниках посланники. Их ступни заменены пружинами, и сейчас они потягивают питательную пасту из трубок, набираясь сил перед забегами на сотни километров из одной части Дворца в другую. В клетках ждут приказа кибербибисы, готовые по приказу вылететь с вставленными прямо в черепа инфокапсулами. Даже сейчас, когда Дворец оцеплен и находится на военном положении, здесь не умолкает работа. В любое время под сводами узла трудится не меньше семи сотен душ.

Мы обрушиваемся на них без жалости и промедлений. Единственное предупреждение - катящаяся волна взрывов и выстрелов. Стена в главное помещение взрывается, а затем мы врываемся в брешь и начинаем убивать. Нас восемь. Всего восемь. Жить сгрудившимся в узле сотням людей осталось недолго.

Вход в зал охраняет взвод солнечных гоплитов: пятьдесят солдат в позолоченной медной броне, шлемах с высокими гребнями, вооружённых широкоствольным лазерным оружием. Достойный гарнизон, но мы -

легионеры, постигавшие искусство войны с самого основания Дворца. Пятьдесят против восьми, пятьсот против восьми, пять тысяч против восьми... Не важно. У них нет ни единого шанса.

Мы здесь по двум причинам. Прежде всего, дело в тактике. Это - основной узел коммуникации целого отрога Дворца. Если мы уничтожим его, то лишим защитников возможности заметить нас и передать информацию. Но ведь этого недостаточно, не так ли? На самом деле, это мало что изменит. Дворец уже горит. Едва ли мы вызовем ещё большее смятение, чем ложные боги?

Нет, на самом деле расчёт именно на то, что кое-кто нас заметит. Хеккаррон, так недолго бывший моим тюремщиком, будет меня преследовать. Кустодии никогда не сдаются, не отрекаются от долга. Он будет искать меня и возьмёт с собой меч. Куда ещё он мог его отправить? Возможно, Хеккаррон или кто-то из его братьев даже узнали природу носимого мной клинка. Поэтому он будет держать его при себе. И раз он будет меня выслеживать, то заметит, что кто-то уничтожил узел связи. Заметит, и ему хватит ума понять, что огонь разжёл я, и направится по следу. Вот и всё, чего я намерен добиться этой бойней. Осталось лишь разжечь пламя поярче.

Я шагаю по сцене разворачивающейся резни, и пистолеты в моих руках поют роковую песнь. С ужасом на глазах разбегаются писцы, страх виден и в глазах солдат. Но гоплиты всё равно бегут навстречу по проходу между хранилищами свитков, стреляя на ходу. Их выстрелы опаляют воздух и лобзают мои доспехи. Храбро. Очень храбро. Я спускаю курок, и мой пистолет извергает поток плазмы. Пламя испепеляет голову одного из замыкающих, а затем сжигает следующего. Затем грохочет болт-пистолет. Снаряд впивается в другого гоплита, резко оглядывавшегося. Заряд болта настроен на взрыв после двух попаданий. Он пробивает череп насквозь и сталкивается со стволом лазружья. Они взрываются вместе. Град осколков и белое пламя омыают разбегающуюся толпу. Один взмах косы уносит несколько душ, а я продолжаю стрелять, каждым выстрелом забирая всё новые жизни.

Что? Ты ведь не ждал от меня милосердия? Не думал, что я добр? Я не такой. Впрочем, в этой вселенной и нет невиновных. Вообще...

- Пожнём ваши души! - хрипит рядом Бахариил. - Сбережём ваши души!

Он двигается, будто на ломанной пикт-передаче. Истекает жёлто-зелёным сиянием, будто потом. Я вижу, как он поднимает руку и одним жестом обращает в пепел и шкафы, и прячущихся за ним людей. Слова произносит не только ртом, но и разумом, сотрясая полный кровавой дымки и изморози воздух. Тень тянется за ним, будто вздувшийся плащ. В её полумраке мерцают глаза и когти.

- Око открывается! - восклицает Бахариил. - И ала тропа!

Он содрогается, и реальность вокруг исчезает в потоке розового пламени и горячей крови.

Корлаил оборачивается к нему, прекращая убивать. Видит ли он то же, что и я? Чувствует, что грядёт? Он делает шаг навстречу к Бахариилу, возможно, собираясь его угомонить, и не замечает бросающегося на него врага.

- За Терру!

От боевого клича сквозь клубы дыма идёт рябь. И из пламени появляется воин. Он - вихрь, облачённый в жёлтый керамит. Его левый кулак окутан молниями, а наруч украшен гербом в виде сжатой обсидиановой перчатки. Он - Имперский Кулак, потомок тех, кто некогда стоял на стенах Терры и до сих пор служит преторианцами Тронного Мира. Я уже много тысячелетий не видел никого из их рода. И не думал, что увижу кого-либо из них сегодня. Ведь они все должны были быть на стенах, там, где бушует

самая важная битва. Должны были, вот только случайности нет дела до закономерностей.

Имперский Кулак бросается прямо на Корлаила, стреляя на бегу. Взрывы сотрясают доспехи моего брата. Во все стороны летят осколки керамики. Корлаил не падает, но отступает, и это - вся нужная сыну Дорна брешь. Этот воин - ветеран, познавший искусство войны так, как может лишь отдавший себя пути служения плотью и кровью.

Корлаил успевает поднять меч, парируя удар, и они сходятся будто буря из стали и молний. Клинок сшибается со щитом, по пластили идут микротрещины. Имперский Кулак закрывается от ударов, а затем бьёт своим кулаком, будто тараном.

Латная перчатка встречается с клинком, и раскат грома гремит сквозь какофонию битвы. Воитель насаждает, бьёт краем жёлтого щита прямо по шлему, раскалывая линзы. Корлаил заносит меч, который вот-вот обрушится, будто молния, а Имперский Кулак поднимает щит, готовясь отразить удар.

Вот такая картина предстаёт моему взгляду. Образ застывшей славы и безрассудства Империи, миг между опускающимся мечом и вздымающимся щитом. Два воина, один - старый, как сама война, другой - моложе, но проживший бессчётные жизни. Пламя погибели, вздымающееся за их спинами. Я вижу сквозь треснувшие линзы решительные глаза брата... И как Кулак готов отбить удар и нанести свой.

Этой битве не будет конца. Ни здесь, ни среди звёзд, ни в вечности. Ни одинокие воины, ни бесчисленные армии не прекратят сражаться. Так предначертано.

Но я никогда не любил судьбу, и моё терпение не безгранично.

Три выстрела. Первый сбивает Имперского Кулака с ног. Второй вскрывает сочленение его доспехов вокруг горла. А потом разряд плазмы в грудь прожигает его доблестные сердца. Я же сказал, моё терпение не безгранично. На миг, глядя на ещё падающий на землю труп доблестного воина, слыша вопли умирающих, я чувствую... удовольствие. Быть убийцей и проводником анархии приятно.

Только не говори мне, что ты удивлён.

Двенадцатая глава

Чертог разума Азхара

- Желает ли ты отпущения грехов?

В угасающем разуме Азхара царит тишина, и молчание - ответ смотрящему на моего брата Мордекаю. Азхар исчезает, образ его разума развеивается, будто туман по ветру. Он вновь предал, на этот раз меня. Похоже, что измена - не только решение, но и привычка.

- Отпущения? - вздыхает Азхар и усмехается. - И как ты себе это представляешь, Тёмный Ангел? Открытые мной тебе тайны лишь оттолкнули меня ещё дальше от искупления.

- Исповедуйся, - отвечаем ему бибиларий. - Возмолись о прощении. Прими свою судьбу.

И ведь он честен. В этот миг он бы отдал почти что угодно за согласие моего брата.

- Всё так просто?

- Да.

- Если бы это было правдой... - вокруг лишь пустота, похожая на лист бумаги, ждущий лишь поднесённого пера... или спички. Утих даже воющий психический ветер.

Это застывший миг, удар сердца, стук, ждущий своего эха.

Мордекай не знает, почему продолжает говорить. Ведь он уже получил всё, что хотел, и даже больше. Медлить не стоит... Тишина - не безмятежность, но иллюзия её.

- Ты ведь меня убиваешь, не так ли, Тёмный Ангел? - спрашивает Азхар. - Пески моего времени утекают.

- Да.

- Наконец-то, - кивает Азхар. - Знаешь, никто из нас не должен был выжить, мы все заслужили смерть. Хотя бы это даёт мне надежду. Надежду, что ты поймаешь его. Он сполна заслуживает такого прощения, как ваше.

Азхар отворачивается, и вновь видит перед собой призрак лесов Калибана. Дождь льётся на его лицо.

- Лучшие времена. Тогда, так давно... было лучше, чем сейчас.

Каких усилий стоит Мордекаю успокоить свои мысли ещё на миг? Что-то внутри него, в глубине его души меняется. Он знает это, пусть и не осознаёт причин.

- Хочешь сказать ещё что-нибудь?

Азхар улыбается в последний раз.

- Больше, чем ты когда-нибудь узнаешь.

А затем образ молодого воина в мантии исчезает, как и леса Калибана. Мордекай окидывает взглядом белую пустоту, а затем открывает свои глаза реальности.

Северная зона

Порывы дующего по канализации ветра несут жар, и пахнут совсем не лесом и не дождём. Мордекай отводит руку от лба и видит следы обморожения и на коже мертвеца, и на своих пальцах. Широко открытыми глазами Азхар смотрит в никуда. Мордекай глядит на него, чувствуя, как от психической отдачи по его мускулам пробегает лихорадочная дрожь. Стоящий рядом сержант ждёт.

- Он выдал что-нибудь?

- Он выдал всё, - Мордекай поднимается на ноги. Вокруг среди опустевших залов поют отголоски призрачных ветров. Откуда-то издали доносятся выстрелы.

- Испепели тело и доспехи. Не должно остаться ни следа.

- Он сказал, что Сайфер...

- Сайфер хочет добраться до Санктума Импералис, брат. До самого Тронного Зала.

Что важнее, истина или то, вот что верят люди? Большинство из нас сказали бы, что правда важнее, ведь это слишком заманчивый ответ. Но правды на самом деле никто не хочет. Услышать

истину всё равно, что узреть лик божий - на миг ты обретёшь чистейшее познание, а затем обратишься в пепел, уносимый навстречу забвению, не зная ничего и не видя. Нет, требующие узнать правду люди на самом деле хотят услышать что-то, что могут понять, что-то, что вписывается в их картину мира, что-то, что они могут хранить в мыслях будто святыню, молиться на неё, отрекаясь от страха перед превратностями обыденной жизни.

Предатель ли я? Один ли я человек или имя нам легион? Многими ли именами зовусь я или лишь одним? Алчу ли я искупления или воздаяния? Так приятно было бы выбрать что-то одно, и получить простое и ясное понимание где злодей, а где герой, где добродетель, а где грех, и всё в таком духе, не правда ли? Вот чего хотят люди, просящие сказать им правду. Они хотят услышать ложь, которая сделает весь мир проще.

Но ведь ты не такой, не правда ли? Ты знаешь, что просить стоит не рассказать тебе правду. А посвятить тебя в тайну.

Львиные врата

- Думаешь, убийцы сдержат слово? - спросила Анция.

- Да. Они принесут меч, как и обещали.

- Но они не позволили нам самим унести его.

- Вряд ли оружие вообще было в башне. У них есть и другие места для хранения орудий убийств. Они доставят меч, но не раньше, чем приготовят ловушку.

- Впрочем, они следуют за нами. Скрытно, держа нас под прицелом.

- Естественно. Чего ещё ты ожидала?

Прислушайтесь. Не к тому, что говорят страж и прорицательница. К их страхам, пониманию. Прислушайтесь. Оно уже близко. Внемлите и услышите...

Хеккаррон и Анция находятся в центральной пересадочной пещере Львиных Врат, когда приходит сообщение. Сигнал гудит в шлеме Хеккаррона. Звук испорчен треском помех, но достаточно ясен. Вокс-сеть кустодиев до сих пор работает, в отличие от большинства систем во Дворце. Едва. Он поднимает руку, призывая Анцию помолчать пару минут, пока он не обдумает услышанное и не решит чего говорить.

- Произошла атака на узел связи в северной зоне, - сообщает он, опустив руку. - Выживших нет.

В пересадочной пещере почти пусто. Остановились и тележки, и макрогрузовые тягачи. Не видно привычных толп грузчиков, стражей и чиновников. Лишь горстка людей со страхом в глазах ютится на краю платформ и у врат. Порывы ветра проносятся через открытые путевые проходы. Анция и Хеккаррон остановились здесь на пути из Двора Ассасинов, ожидая вызванный стражем гравитанк. Анция закрывает глаза, обдумывая услышанное. Мысленно она пытается сшить воедино воспоминания и видения.

- Это был он. Сайфер.

- Но он пытается найти меч, - с искренним смятением отвечает Хеккаррон. - И такой переполох никак этому не...

А вот и оно. Откровение.

- Если только... - глаза Анции мечутся по опустевшей платформе, но видит она не её, а свои мысли и возможные будущие. И проблески грядущего ужасают. - Если только мы не ошиблись. Если только его цель не что-то другое.

- О чём ты?

- Те образы, которые наполняли его разум в заточении...

- Меча?

- Да. Он думал лишь о нём.

По щеке её течёт пот, глаза закрыты. Воздух вокруг содрогается от разрядов молний. Мысленно она не просто видит психоактивный образ, запечатлённый в моей камере, но переживает его, протягивает воспоминания сквозь варп, превращая его не просто в отголосок прошлого, но связующую нить с ним. Она вновь видит меня, сидящего за решёткой. Видит отражающийся так ясно и чётко в моих мыслях меч.

- Тревога о клинке отражалась даже в камнях, к которым он прикоснулся. Он словно был всем... Но... - Анция вздрагивает. Она так близка к пониманию того, о чём я тебе не рассказал. - Только что если всё это было ложью?

Её мысленный взор отворачивается от образа меча к призрачному отражению моего лица в тот миг. И она видит, что я смотрю на неё из прошлого. Улыбаясь.

- Он знал, что мы придём, - шепчет прорицательница. - Неважно как, но знал. И он оставил образ меча как приманку. Мы ошиблись, он идёт не к клинку. А к чему-то другому...

Вот и оно.

Ожидал ли ты это услышать?

Обиделся, что я не сказал тебе правду? Если так, то зря. Сам ведь понимаешь, не стоит просить о том, чего не можешь получить.

- Куда? Куда он направился? - спрашивает Хеккаррон.

Вокруг Анции начинает собираться буря, кружится вихрь, сдирающий краску с колонн и подпорок. На другой стороне платформы старший чиновник косится на неё, а потом начинает кричать. Её разум отправился в странствие по иным мирам, тропам будущего и отголоскам грядущего. Её орден ведь не спроста именуют прорицателями рока. Остальные их способности полезны, интересны, но предвидение ещё не случившихся событий это сам смысл существования сих провидцев.

- Он направляется...

И она начинает видеть. Свеч, меч, кто-то опутанный золотом и проводами, человек, склонившийся перед ним, меч в руках, сломанный меч, меч, что никогда не сломается, глаза, открывающиеся на лице, которое на самом деле череп, закрытые глаза на застывшем лице, которое не шевелилось уже десять тысяч лет, образы, наслаивающиеся друг на друга в призрачном свете и сиянии грёз. Она видит...

- Будущее и раскалывается, и повторяется.

- Куда пойдёт Сайфер? - спрашивает Хеккаррон, уже зная ответ. Слыша его в отзвуках из глубин страха, которого лишён. - Скажи, если видишь.

- Это невозможно. Будущие сходятся воедино, но каждый миг ведут к одному из двух путей. А их должно быть так много... Должно...

- Анция, ответь мне.

Она не хочет отвечать. Она готова встретить ужасы, способные сокрушить любого человека, но в этот миг она видит как всё сужается до одного мгновения, единственного выбора, рассекающего время пополам. Но также она и в самом деле может ответить на вопрос Хеккаррона, поскольку видит, куда всех приведёт история.

- В Тронный Зал. К Императору, он хочет добраться до Императора.

- Не может же он серьёзно...

- Может, - отвечает она, ошеломлённая прозрением. - Свет Трона, да поэтому он вообще прибыл на Терру. Мы посадили его в темницу там, куда он и хотел попасть. Он знает путь к Внутреннему Святилищу... Нашёл его. Путь, незнакомый даже нам...

- Где?

- Я... я не могу разглядеть...

- Ты должна!

- На Пути Мучеников... Что-то, что-то произойдёт там... но неясно что...

Она ещё не договорила, а Хеккаррон уже бежит, и гравитанк устремляется в ночь.

- Возвращайся в Темницы, авгур, - бросает он, запрыгивая на танк с края платформы. Анция всё ещё дрожит, мощь видения истекает из неё разрядами тока. Она слышит приказ, но хочет попросить Хеккаррона подождать, ведь чувствует что-то ещё, что-то едва различимое на краю воспоминаний, но затем прозрение ускользает, а гравитанк исчезает во тьме.

Имперский дворец

Под пеленой бытия скрыт иной мир. Уверен, вы это слышали подобное выражение раньше, ведь это такая удобная метафора как для великой лжи, так и для настоящей истины, или для чего, то может быть и тем, и другим. Но в Имперском Дворце это не просто метафора, а самая что ни на есть настоящая реальность. Ведь Дворец является не просто комплексом зданий, а скорее шрамом, затянувшимся над историей. Историей Империи, человечества, всего, что раздавлено бременем прошлого.

Позволь, я покажу тебе.

Мы начинаем высоко в ночном небе. Под нами покоится Терра. Изгибы её лица усеивают огни. Свет жилых кварталов размером с древние империи, лагерей пилигримов, что окаменели до состояния скалобетона, дворцов администраций, за один день поглощающих миллионы тонн пергамента и чернил. Рядом с этими огоньками виднеются петляющие по земле пожары. Свет замаран огромными клубами дыма. В их тени умирают люди. Сотни тысяч душ становятся пеплом, крича, моля о пощаде перед последним вздохом.

Впрочем, в этом мире каждый день умирают миллионы. Угасают от голода в звездоскрёбах. Погибают под ножами бандитов. Гибнут от болезней, от загрязнённой среды просочившихся до костей. Никто не замечает их, мир не содрогается на небесной оси от их кончины. У повседневных трагедий слишком много причин, да и их самих слишком много, и потому вселенная не может относиться к ним иначе, чем с жестоким безразличием. Но умирающие в пламени пожаров и битв в эту ночь... их смерть заметят. Варп поёт от боли, гнева и отчаяния. Вдали от Дворца люди сжимают молитвенные свитки и просыпаются, дрожа от страха. Дрожь бьёт весь мир, её чувствуют все цепляющиеся за его поверхность души.

Почему? Почему эта бойня сотрясает бытие, почему оно замечает смерти столь же многочисленные, как и те, что остаются забытыми каждый день?

Потому, что в этот раз причин их смерти и мучений не много, но лишь одна, потому, что их забирает война, война, которая может стать началом конца всего сущего.

Мы движемся в видении, притягиваемые Имперским Дворцом. Он обладает собственным притяжением. Неодолимо привлекает к себе разумы. Он - континент крупнее многих выкованных древними полководцами царств и империй. Пройдя сквозь атмосферу, мы видим, что рассеянные огни Дворца подобны звёздам, утянутым с небес на землю. Он настолько огромен. Ты же задумался, как мы и Тёмные Ангелы Мордекая можем охотиться и скрываться в священном сердце Империиума? Как мы можем продолжать сражаться незамеченными никем? Дело в том, что Дворец не является ни зданием, ни даже городом. Здесь есть целые кварталы из складов. Складов, в которых лежат груды давно сгнившей еды и бумаги, и растут огромные грибные леса. Храмовые комплексы, посвящённые святым, о которых никто не помнит, и в их залах веками не ступала нога людей. Целые дома, набитые доверху лучинами, записывающими устройствами и сборщиками отходов. Всё это можно найти лишь в крупице Дворца. Колосса, кажущегося с небес таким притягивающим взгляд. Но когда мы оказываемся на уровне высочайших башен, то нашему взгляду открывается прежде незаметная в сиянии гниль.

Ты летишь навстречу окружающим Внутренний Санктум башням и куполам, а навстречу тебе будто ножи тянутся каменные и бронзовые шпили. Ты видишь их все: Десять Рассветных Башен, Чёрное Аббатство, Бастион Магна. Краем глаза заметны пылающие вдали пожары. Ты чувствуешь в ветре порывы дыма. И вот уже ты пролетаешь мимо высочайших башен. И видишь запятнанные сажей стёкла, проблески морд гротескных статуй и проносящихся мимо горгулий.

Видишь облюбовавшие древние камни стаи ворон. Видишь сквозь дыры в прогнивших крышах великие залы, где теперь собирается лишь дерьмо птиц-падальщиков. Видишь оскал черепа человека, что забрался так высоко, чтобы увидеть солнце, и теперь, век спустя, от него остались лишь высохшие обглоданные кости.

Пике продолжается, и сейчас больше похоже на обычное падение в распахнутые каньоны между зданиями. Ты летишь мимо балконов, мостов, паутины проводов, что тянется через разломы, словно связывая огромные здания воедино.

Ты уже видишь людей, сотни, возможно тысячи бегущих по дорогам и мостам. Здание горит. Здание размером с гору. Пламя пылает в самом его сердце, сжигая накопившиеся за тысячелетия записи. Оранжевые языки огня вырываются из распахнутых ртов, а некогда жившие внутри исполина население разбегается. Ты видишь, как спотыкается старик, и крепче сжимает в руках дитя. Высоко над ним начинает трещать шпиль дома, чьи кости расплавляет пламя. Начинают падать обломки. Старик ускоряет шаг, спеша вместе с потоком, текущим по мосту. Возможно, он и ребёнок выживут, а возможно

и нет. Ты не можешь ничего сделать. Остаётся только наблюдать.

И вот ты пролетаешь мимо, падая так глубоко во мрак, что от неба остаётся лишь неровная полоска. А затем исчезает и она, остаётся лишь тьма. Краткий миг абсолютного мрака, пока ты проходишь сквозь крышу Проспекта Вознесения, видишь статуи, смотрящие на последних сопровождаемых солдатами чиновников, бегущих прочь. И все они исполнены страхом. На бюрократах кольца и цепи, дорогие настолько, что за них можно приобрести космолёты или выкупить целые планеты. Они прожили здесь целую жизнь в мире из камней, праха и позабытых воспоминаний. А теперь они чувствуют дым, чувствуют жар пламени изменений. И это пугает.

Ты летишь мимо них, погружаясь в слои скалобетона и воспоминаний, мимо залежей мавзолеев и костниц. Падаешь через озёра отравы, скопившейся в пещерах. Погружаешься в глубины эпох, раздавленных под гнётом прошедших историй. Здесь под поверхностью мира таятся города, города, чьи храмы и улицы затоплены чёрными водами. Там обитают и люди, и охотящиеся на них создания, покоятся трупы богомашин, скрыты пути и двери. Здесь можно найти неведомые никому тайны, ведь у корней мира ничто не исчезает навсегда, хотя и может быть позабытым...

Тринадцатая глава

Катакомбы

Среди чёрных корней мира ты встретишь и нас - не забытых и не прощённых. Всё, что ты видел прежде - лишь контекст для происходящего сейчас. Мы бежали в глубины, вырвавшись из западни Мордекая. Мы спешим по дороге, погребённой под опирающимся на полуразрушенные колонны сводом. Некогда она была выстелена белым мрамором, но за века он покрылся и трещинами, и плесенью. Узоры будто лозы оплетают колонны, повествуя о деяниях давно умерших королей и королев. Крыша над нашей головой - гряда обломков, чудом удерживающихся вместе.

Но не только мы ищем пристанища в подземном мире. Многие бежали сюда, спасаясь от пожаров. Не знаю, было ли им известно о тайных тропах прежде или их привели в глубины древнейшие человеческие инстинкты. Но по краям ветхой колоннады ютятся целые толпы - семейства писцов, родители, прижимающие к себе детей, и стар и млад, и богач и бедняк. Лица съёжившихся смертных мелькают в свете горящего масла.

Увидев нас, они разбегаются с дороги, крича, да и кто бы не утратился красноглазых великанов в чёрных доспехах? Кто-то похрабрее стреляет в нас из пистолета. Мы даже не оглядываемся. Зачем? К чему вообще обращать на такое внимание? Но потом Бахариил спотыкается, останавливается, оглядываясь по сторонам.

- Приближаются... - бормочет он, - Ночь, пылающая луна, мучительная рана... Они приближаются...

Корлаил останавливается, чтобы поторопить нашего родича.

- Брат, нам нельзя медлить.

- Нет... нет... Они приближаются. Я слышу их песню.

Бахариил оглядывается на мрачное жерло погребённой дороги. Краем взгляда я вижу расширившиеся и

напуганные глаза людей.

- Разве вы не слышите? - хрипит блудный сын Калибана.

И тогда я вижу стену огня между колоннами. И бегущие перед ней силуэты. Это люди... нет, существа, что прежде были людьми. Они горят. Истекают красным, жёлтым и розовым пламенем. Их кожа и сухожилия поджариваются прямо на костях, губы распахнутых ртов превращаются в пепел, открывая оскаленные зубы. Крики эхом разносятся под сводами. Но это не полные муки вопли. В их голосах звучит ликование, агония, удовольствие и голод. Видишь ли, даже здесь, в подземельях Дворца найдутся глупцы, впускающие силы варпа в трещины своих душ. И сегодня их отравленные грёзы ответили на все мольбы. Принесённые бурей демоны захлестнули их и теперь бесчинствуют, охотясь. Конечно, охотясь не на нас, а на толпы кричащих смертных. Мы же здесь по чистой случайности.

Я смотрю на огненный поток воплощающихся демонов, наполняющих пламенем проход от края до края. Вижу, как удлиняются их зубы, растягивается плоть, пальцы превращаются в когти. Стоило бежать. Стоило позволить этой трагедии разыграться, спешить к цели, путь к которой я так долго искал. Не стоило делать то, что я должен был.

Я выхватываю пистолеты. Болты пробивают насквозь горящие тела. Плазма испепеляет когтистые пасти. И я бегу навстречу дьявольскому приливу одержимых душ, ведя своих братьев.

- Ангелы Калибана, за мной!

И они следуют по слову моему, все без исключения: старые и ожесточённые рыцари, изменники и клятвопреступники, сломленные и осквернённые. В глубине души я надеюсь, что если бы я оглянулся, то в этот миг увидел их такими, какими они были прежде, гордыми воителями, искусными мастерами меча, чьей воли и сил хватало для сокрушения целых империй. Надеюсь, что при взгляде на братьев я бы вспомнил, кто я такой.

Мы обрушиваемся на врагов. Когти лязгают по клинкам. Снаряды раздирают плоть. Я стреляю прямо в зубастую пасть на вытянувшейся морде. Череп разлетается на части. Костяные когти царапают мой правый наплечник. Я стреляю не глядя. Демон падает, превращаясь в чёрную слизь. С каждым шагом мои пистолеты режут, сплетая среди сонма искажённых тварей симфонию взрывов. Разряд плазмы выходит из затылка чудовища, прожигая его насквозь, а затем омывает очищающим пламенем другую. Пистолет охлаждается, исходя паром.

Я взмахиваю пистолетами, перезаряжаю их, не медля. Одержимый прыгает на меня, замахиваясь когтями, когда-то бывшими пальцами. Пинком я отбрасываю его прочь. Тварь приземляется на все четыре лапы и вновь прыгает на меня, распахивая челюсти так широко, что трескаются кости.

А затем разлетаются от одного выстрела.

Я не останавливаюсь ни на миг, и огонь мой - роковая песнь для одержимых. Пистолеты содрогаются от отдачи, мир размывается с каждой дульной вспышкой. Я вижу, как поток разбивается о дамбу из чёрных рыцарей. Вижу, как клинки рассекают кости, а булавы ломают плечи.

А затем краем глаза замечаю мелькнувшее щупальце. Я не успеваю обернуться. Оно опутывает мой плазменный пистолет и всю руку до локтя. Меня схватил один из демонов. Его тело было прежде дряхлым, умирающим, но теперь сморщенную оболочку переполняет неестественная сила. Под полупрозрачной кожей извиваются пурпурные мускулы, словно змеи. Нижняя челюсть отвисла. Из горла ко мне тянутся крошечные руки. Тварь улыбается вторым ртом, растянувшимся по лбу. Её левая

рука - хлыст из растянутой кожи и плоти, и ей она меня и схватила. Другая рука горит. С вытягивающихся в когти пальцев осыпается глеющая плоть.

Щупальце сжимается, обрастая шипами. Я чувствую, как их острия пронзают мои доспехи, впиваются в плоть. А затем в кровь течёт яд. Он жжёт... Это не обычный токсин. Се - отрава, порожденная в варпе из потерянных грёз и сгоревших надежд.

Отрава растекается...

Растекается сладостью сахара и спокойствием сна.

- *Останьссся сс нами навссегда, разделённый ссын,* - проникновенно мурлычет демон. - *Поссследний шаг в пропасть - самый ссладкий...*

Я парю. Я падаю. Перед глазами проносится калейдоскоп красок. Светлый ангел во мне угасает. Нечто призывает меня поддаться, превратится в того, кем меня считают из страха: созданием Хаоса, рабом тьмы, пропащим, отвергнутым. Но в сгущающемся мраке звучит наполненный горечью, жаждой мщениа и яростью глас - глас Темного Ангела во мне^[29].

- Никогда.

Я стреляю не глядя, но всё равно попадаю в цель. Щупальце разжимается. Крючья выскальзывают из кожи, ядовитый шёпот умолкает. Мир вновь вспыхивает перед моими глазами. Нечто корчится и извивается у моих ног. Оно истекает чёрным дымом и кровью из ран, скалится на меня ртом без языка.

Я стреляю вновь, прямо в ошетилившуюся иглами пасть. Вокруг опадает дьявольский прилив, пламя украденных душ затухает. Я оглядываюсь во тьму, туда, где были смертные. Большинство разбежались, но несколько остались, застыв от благоговения и ужаса. Я скрещиваю руки на груди, не убрав пистолеты, и склоняю перед ними голову. Интересно, переживёт ли эту ночь кто-то и запомнит этот бой, запомнит меня? Надеюсь на это.

- Лорд Сайфер, - зовёт меня Корлаил. - Надо спешить, иначе нам не добраться до двери.

- Да, это так. - отвечаю я, и подзываю остальных. - Братья, битва окончена, пора в путь.

Я убираю пистолеты и шагаю во мрак, туда же, куда шёл прежде. Остальные следуют за мной, перезаряжая оружие, убирают мечи в ножны, отряхивают оружие от крови.

- А вот... - шипит Бахариил. Он - единственный, кто ещё стоит. Отвернувшись от нас, смотря туда, откуда пришло адское пламя. Его плечи вздымаются и опускаются, так, словно он задыхается. - И... они...

Это не первое такое бедствие для брата Бахариила. Он всегда силился удержать вместе свою расколотую душу, но сегодня - не обычная ночь. Сила Тёмных Богов восходит, и трещины его духа расходятся, грозя превратиться в ущелья.

- Нерождённые изгнаны, Бахариил, - окликает его Корлаил. - И нам пора. Пойдём...

Верный брат протягивает блудному руку.

И Бахариил ударяет кулаком. С такой силой, что Корлаил отлетает прочь, крутясь в воздухе. Мгновение замедляется, становясь отзвуком вечности.

Воздух смердит надвигающейся бурей. От поворачивающегося ко мне Бахариила сыплются искры. Его

глаза - провалы, пылающие синим пламенем. Оно вырывается из решётки-рупора. Шлем истекает жаром.

Бахариил... бедный, бедный Бахариил. Рано или поздно чаша его проклятия должна была переполниться. Возможно, всё дело было в бурях, терзающих Терру. Возможно, он внял зову богов, которым продал когда-то душу. Возможно, просто пришло время.

Это моя вина. Я слишком долго позволил ему погружаться в скверну. Я знал, что дойдёт до этого, но можешь ли ты и в самом деле осуждать меня за то, что я хотел подольше побыть со своим братом? Можешь ли ты понять, почему я не хотел выносить ему приговор за слабость?

Не важно. Уже слишком поздно.

- Ты сгоришь! - кричит изо рта Бахариила демон. - Станешь пеплом. Станешь нашим!

А затем отродье варпа в обличье брата бросается на нас. Доспехи трескаются, истекают плотью и огнём. Пальцы вытягиваются в когти. Тени и гибельный свет клубятся вокруг Падшего.

Первым умирает Намаэр. Когти Бахариила пробивают ему голову и грудь одним ударом. Тело обращается кровавым паром и дымом. Бахариил отбрасывает опустевшую оболочку и идёт ко мне, дрожа. Его глаза обратились в клубы пламени и серебряного дыма, но они всё равно видят, видят лишь меня. Я чувствую в этом взгляде и голод, и ярость. Я так долго отталкивал от себя объятия Нерождённых. Я - воин, одной ногой стоящий во тьме ночной, а другой - во свете дня. Но и свет, и тьма жаждут того, чего не могут получить.

- Ты - наш, Сайфер! Хочешь ты того или нет, ты - наш! - вопит демон. - И ты не обретёшь искупления. Не пожнёшь жатву во имя мести. Здесь ты падёшь!

Раздувшаяся пылающая скорлупа Бахариила бьёт меня. Удар не смертельный, но достаточно сильный, чтобы пробить нагрудник и повалить меня. Чудовище хочет со мной поиграть. Нерождённые все такие, они всегда любят играть с добычей. Но я? Почему я не стрелял? Почему позволил ему ударить? Не знаю. Возможно, дело в чувстве вины за сделанное и не сделанное? Надежде, что это не закончится так, как должно?

- Сайфер... Сайфер...

Демон нависает надо мной. Доспехи текут, будто нагретый воск. Пластины брони превращаются в связки мускулов, сияя призрачным светом. Взлетевшие осколки кружат вокруг твари. Отродье варпа опускает на мой разбитый нагрудник копыто, прежде бывшее сабатомом, и улыбается мне губами из расплавленной стали.

- Сайфер... безымянный воин... разделённая душа... Какие удовольствия ждут тебя впереди, какая резня? Здесь твоё странствие и закончилось, глупый рыцарь. Лишь мы дадим тебе возможность отомстить, лишь в наших объятьях ты обретёшь искупление.

Демоны. В минувшую эпоху их не существовало. Было время, когда говоривших о "демонах" считали людьми наивными невежественными, заблуждавшимися об истинной природе вселенной. Тогда не было ни богов, ни демонов, лишь сущности и ещё неизвестные свойства реальности. Теперь же такие взгляды - свидетельство наивности. Демоны существуют. Тёмные Боги существуют. Хаос существует. Можно рассуждать, подходят ли их имена. Говорить, что и "боги" и "демоны" это просто слова, используемые

людьми для описания сил варпа. Думать о том, что мы лишь проецируем на этих созданий представления о богах и адских отродьях из нашего позабытого прошлого, надевая маску древних легенд на ужасы настоящего. Возможно, что всё это правда. Но это не меняет реальности демонов.

Варп - иное измерение. Не далёкое царство. Оно совсем рядом, на расстоянии одного лишь желания от реальности физической, видимой и осязаемой. Он рядом всякий раз, когда ты опускаешь ногу на пол. Он рядом всякий раз, когда выдох слетает с твоих губ. Он рядом всякий раз, когда закат погружает всё в тени. Это измерение не материи, но мысли и психических энергий. Энергий необузданных, ужасающих. Это царство душ, грёз и идеалов. В его недрах оживает смех и надежды, от гнева по нему проносятся багровые бури. В нём царит лишь один-единственный закон. Закон желаний. В варпе собираются мысли каждого живого существа. Наши страхи и надежды и вспышки злости образуют течения, плоды трусости и храбрости посыпают солью беспросветные глубины. Варп и исток, и трясина рассудка.

Но чем же являются Тёмные Боги, спросишь ты? Чем являются демоны? Ответ безумно прост. Они и есть варп. Точно так же, как нельзя отделить бурю от моря, Тёмных Богов нельзя отделить от варпа. Они - тьма разума всех живых созданий, бурлящая в глубинах. Если хочешь, можешь представить их как огромные устойчивые водовороты в море душ. Их питают мысли, дела и чувства всех существ, что когда-либо жили и когда-либо будут жить. Они - вечные порождённые жизнью волны, что никогда не разобьются о берег и не осядут, но будут течь вечно.

Почему мы называем их богами? Почему некоторые поклоняются им, взывают к ним ради наград и мести? Потому, что люди всегда стремились ублажить то, чего боялись и не понимали. На самой Terre в забытые времена матросы выливали кровь в штормовые волны, в надежде успокоить гнев моря. Так же поступают и сектанты, кладущие кровавую плату на алтарь. Разница только в том, что древние моря не отвечали тем, кто проливал для них кровь. А вот Тёмные Боги ответят.

Знаешь, на самом деле они не наделены разумом, а созданы из него. Они жаждут, алчут, стремятся овладеть и совратить потому, что мы поступаем так же. Они вообще не те существа, которых мы в них видим. Они уничтожают и искушают потому, что такова их природа, они разносят скверну так же, как рубит лезвие меча. Они - жаждущие воплотиться в породившей их реальности вековечные кошмары, что хотят проснуться в мире живых. Ты можешь спросить о том, что же тогда демоны? Они и есть Тёмные Боги, частицы великих бурь, проявления силы Гнева, Изменения или Отчаяния, скопившейся в варпе. Они - идеи и эмоции, разложившиеся, испорченные и обретающие обличья из всех наших страхов. Они приходят, когда их призывают, когда могут проскользнуть сквозь брешь в реальности, когда могут свить гнездо и расти в уязвимых разумах. На самом деле у них нет ни мыслей, ни чувств. Они - силы, ведомые инстинктами. Как изощрёнными, так и примитивными, желаниями соблазнять или истреблять, но все они следуют инстинктам так же, как акулы плывут на запах крови. Такова их природа.

В чём-то мы не ошибались. На самом деле нет ни богов, ни демонов - только мы, отражения наших душ и тьмы наших жизней. Но от этого они не прекращают быть настоящими.

- Бахариил, стой! - кричит Корлаил на бегу. Кровь сочится из его нагрудника, но он всё равно бежит. Пусть от Бахариила осталась лишь оболочка, переполненная силой варпа, мой брат всё ещё хочет вытащить его из бездны.

- *Полуденная тьма*^[30], - насмехается вселившийся демон. - *Полуночное пламя...*

Но возможность спасения суть истончившаяся нить, да и достаточно ли осталось от души Падшего?

Возможно, Бахариил ухватился бы за этот шанс, если бы прислушался к Корлаилу тогда, так давно... Или если бы я не дал ему сорваться с цепи... Возможно. Но сделанного не воротишь, и я едва ли могу контролировать то, что произойдёт сейчас.

Одержимый тянется ко мне. Его когти опаляют сам воздух.

- Прости меня! - кричит Корлаил, вонзая меч в спину брата.

Демон отшатывается, вопя от боли, когда Ангел Калибана вырывает клинок. Тварь в ярости, и потому оборачивается так быстро, что ломает спину Бахариила. Очертания доспехов едва виднеются сквозь жар, источаемый воплощением ада внутри них. Зверь нависает над Корлаилом, истекая пеплом из раны.

- *Здесь ты и умрёшь!* - ревет демон.

Я вскакиваю, держа пистолеты. На меня смотрят и другие братья, но ни один из них не вступил в бой. Возможно, кто-то из них хотел бы, чтобы я встретил здесь смерть или судьбу похуже, а может они просто замерли от ошеломления.

Я не медлю. Я стреляю. От боли вопят и демон, и Бахариил. Первые снаряды выбивают коленные чашечки, плазма испаряет плоть с рук. Затем выстрелы градом терзают тело. Во все стороны разлетается горящая чёрная кровь. Я стреляю, пока не иссякают обоймы. Это должно было убить и демона, и космодесантника. Но гнев отродья так силён, что оно ещё живо.

- Ты... - цедит оно, отворачиваясь от Корлаила. Раны одержимого уже затягиваются.

- Прости, брат, - шепчет Корлаил, пронзая оболочку насквозь.

Демон содрогается, глядя на торчащий из груди клинок длиной в руку. А затем Корлаил вырывает меч, рассекая плоть. Во все стороны летят клочья мяса, капли горячей крови и пепел. На моих глазах демон ускользает из изувеченной оболочки. Теперь из тела течёт настоящая, человеческая кровь, а на изувеченном лице видны человеческие глаза.

- Брат... - стонет Бахариил, увидев меня. Это самое ясно сказанное слово, которое я от него слышал за последние десятилетия. Слово, а не бред затронутого богами и связанного с кошмарами. - Брат...

Я перезаряжаю болт-пистолет.

- Умоляю...

Я стреляю прямо в голову. А затем дважды в падающую на дорогу изувеченную граду плоти и брони. Последние дьявольские соки вытекают из разбитого мясного сосуда. Я молча смотрю на Бахариила. Жалкое зрелище, но кто из нас выглядит достойно после смерти?

- Ты ранен, господин, - говорил Корлаил. Я лишь молча убираю пистолеты в кобуры и направляюсь во мрак. Так было предначертано. На ходу я зову своих рыцарей.

- Дверь ждёт нас.

Братья молча следуют за мной.

2. Так называемый парадокс лжеца. Если предположить, что утверждение истинно, то, поскольку оно гласит свою ложность, оно ложно, что является противоречием. Напротив, если предположить его ложность, то оно соответствует тому, что само гласит, а потому истинно, что также является противоречием.
4. Контекст – это определенное окружение доступных свойств и методов в данном конкретном программном модуле, в данной конкретной строке.
6. Френч зашифровал в Неккарон, поменяв местами гласные и поставив С как К, Hacker, взломщик кодов.
8. Искажённая форма ветхозаветного Мардохей (ивр. מרדכי, Мордехай; в Септ. Μαρδοχάϊος) — персонаж Ветхого Завета из Книги Есфирь, двоюродный брат Есфири, уведённый в плен при Навуходоносоре и занимавший скромное положение привратника при царском дворе в Сузах.
10. Суун — населённый пункт (тип: станция) в составе Суккозерского сельского поселения Музерского района Республики Карелия.
12. Вероятно, один из четырёх, оставшихся после уничтожения другим чёрным кубом в книге «Легион» планеты Нурт.
14. Отсылка к Крону, отцу Зевса, пожиравшему своих детей, или Фенриру, волку, что в Рагнарёк съел самого Одина.
16. Отсылка к Ёрмунгандру, мировому змею из скандинавских легенд, символу бесконечности, что в Рагнарёк отравил небо и бился насмерть с Тором.
18. Неясно, кто это, но может быть отсылкой к Шиве, божеству-разрушителю из индуизма.
20. ивр. נפילים — «падшие»
22. Библейский образ. В частности, в пророчестве Исаии, которым тот грозил вавилонянам за пленение евреев, "...солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим".
24. Dance Macabre, средневековая аллегория. Смерть в танце уводит в могилу представителей всех слоёв общества, т.к. перед ней все равны.
26. Аналогий - он же аналой, в церкви небольшой четырехугольный стол с покатою доской, на котором полагают книги и иконы.
28. Молитвенные монеты - prayer coins, как я понял, такие теперь есть в американских сектах. На одной стороне молитва к Богу, на другой напоминание человеку.
30. Песня шведской группы Puissance - Dreams Of Desolation
32. В физике эффектом наблюдателя называют теорию, что простое наблюдение явления неизбежно изменяет его
34. О том, как Магнус не предавал на Луне, можно почитать в Воскрешении Примарха
36. Согласно поверьям, холодное железо отпугивает духов, призраков и всевозможную нечисть.
38. Таковой есть у памятника Спинозе в Амстердаме и является символом идеи философа о Вселенной, как модели, созданной "отшлифованным человеческим интеллектом". Также согласно учению Спинозы о метафизике на самом деле мир состоит лишь из одной субстанции, Бога или Природы, а основные атрибуты-свойства субстанции это протяжение и мышление.
40. Игра слов, поскольку око бури это область прояснения и относительно тихой погоды в центре тропического циклона. Таким образом Падший говорит, что он - око бури и в буквальном, и в переносном смысле.
42. Эгион - город в Греции, столица Ахейского Союза.
44. Индомиторский бастион - место действия рассказа "Покои в конце памяти", где Дорн вспомнил и благополучно забыл две погребённые тайны, одна из которых может быть связана с Испивающими Души.
46. Квантовая запутанность - явление, при котором квантовые состояния двух или большего числа объектов оказываются взаимозависимыми и изменение параметра одного объекта мгновенно приводит к изменению второго. Что занятно, само наблюдение за квантовой запутанностью меняет состояние, происходит упомянутый выше эффект наблюдения.
48. Шекспир «Тимон Афинский»: «Луна — это наглый вор, И свой бледный огонь она крадёт у солнца».

50. А́леф — первая буква еврейского алфавита.
 52. Помимо очевидной отсылки к образу слепого правосудия, возможно, что Френч вдохновился обложкой книги Court of Assassins Филиппа Квейнтрелла.
 54. Нур - свет на арабском.
 56. Тета - восьмая буква греческого алфавита, выглядит как ноль с минусом внутри.
 58. Примечательно, что такого Тёмного Ангела, снедающего душу, но способного вмешаться в самый важный момент описал в стихотворении "Dark Angel"... Лионэль Джонсон.
 60. Они будут встречаться с тьмой в дневное время, и блуждать в полдень, как в ночное время Иов. 5:14. Библейская отсылка к ослеплению грешников истиной.
-

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сайфер:_Владыка_Падших_/_Cypher:_Lord_of_the_Fallen_\(роман\)&oldid=23550](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сайфер:_Владыка_Падших_/_Cypher:_Lord_of_the_Fallen_(роман)&oldid=23550)

Эта страница в последний раз была отредактирована 18 сентября 2023 в 22:57.